ЮНЫЕ ОРДЕНОНОСЦЫ

АНДРЕЙ ЖАРИКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор этой книги полковник А. Д. Жариков в годы войны прошел по фронтовым дорогам от Невы до Дуная. Много раз был свидетелем самоотверженных поступков юных воинов, разными судьбами оказавшихся на фронте.

А. Д. Жариков немало написал о боевых делах пионеров и комсомольцев. Его книги «Подвиги юных», «Повесть о маленьком сержанте», «Максимкин орден», «Смелые ребята» и другие вызвали большой интерес у ребят нашей страны.

В книге очерков «Юные орденоносцы» правдиво, без прикрас, рассказывается о ребятах 12—16-летнего возраста, удостоенных за свои подвиги правительственных наград.

Многие из героев очерков смолоду остались в строю, служат в Советской Армии, некоторые ушли в запас после войны и теперь трудятся в народном хозяйстве, а тот, кто погиб в боях за Родину, будет вечно жить в сердцах народа.

- Андрей Жариков
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○

Андрей Жариков
ЮНЫЕ ОРДЕНОНОСЦЫ

АНДРЕЙ
ЖАРИКОВ

ЮНЫЕ ОРДЕНОНОСЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОСААФ
МОСКВА·1969

ГВАРДИИ СЕРЖАНТ ВОЛОДЯ ВАЛАХОВ

Дождь, начавшийся с вечера, лил не переставая. В придорожной канаве не то чтобы сидеть, стоять невозможно. Командир группы разведчиков посмотрел на часы со светящимся циферблатом и тяжело вздохнул:

— Ночь кончается, а «языка» нет.

— Они тоже не любят такой «потоп», — забасил Фома, самый громадный солдат не только во взводе разведки, но и, пожалуй, во всем полку, — я так понимаю, товарищ сержант, а потому и дрыхнут.

— Во-первых, не бубни, слышно тебя за версту, — шепотом сказал командир, — а, во-вторых, как я учил обращаться, когда мы в разведке?

— Виноват, товарищ Петя.

— Не товарищ, а вообще — Петя. Давай сигнал.

— Кря! Кря! — по-утиному закрякал Фома, приложив к губам внушительной величины кулак.

В темноте послышались шаги. Подошли еще два разведчика.

— Ну, как? — спросил сержант.

— Плохо, — ответил один из них, — на тот берег уже не перебраться, светает. Придется еще ночь караулить.

— Мы уже и сарай подходящий присмотрели, — добавил ефрейтор Левашев. — Пересидеть бы там, а потом под Васильевку, там штаб…

— Ладно, — решительно сказал командир, — пошли…

Ефрейтору Левашеву очень хотелось добраться до Васильевки, где он учительствовал перед войной. Он был уверен, что в знакомом ему селе разведчикам удастся схватить «языка», тем более, по всем данным— там разместился вражеский штаб.

В темноте разведчики подошли к маленькому, покосившемуся сараю.

— Фома, проверь! — приказал сержант. — Мы побудем тут. Если что — сигнал…

Фома осторожно пробрался в сарай, пошарил по углам лучиком фонаря — ни души. Подошел к куче сена, прислушался, оттуда донесся легкий храп. Свалив сено в сторону, разведчик замер от удивления: перед ним лежал немецкий полковник. Навалившись всем телом на спящего человека и закрывая ему рот, Фома пронзительно свистнул. В сарай мигом ворвались разведчики.

— Полковника поймал, — прерывистым шепотом доложил Фома командиру. — Щуплый, но живой. Ишь, брыкается, комар…

Каково же было удивление разведчиков, когда вместо полковника под мундиром оказался мальчишка.

— Ты кто такой? — строго спросил сержант. — Почему здесь?

— А чего вам надо? — слабым голосом огрызнулся мальчишка, — никто я, пустите… — Глаза его бегали, как у затравленного зверька.

Кто-то из разведчиков словно невзначай направил свет фонарика на красную звездочку на пилотке.

— Дяденька! Вы наши? Наши? Ой, мамочка!.. Я Вовка… Понимаете, я тоже наш…

— А это откуда? — спросил сержант, освещая куртку немецкого полковника.

— Вместе с портфелем прихватил, — сознался Володя. — Украл.

— С каким портфелем? — насторожился сержант. — А ну-ка, покажи.

Мальчик разгреб сено и, вытащив оттуда большой желтый портфель, протянул его сержанту.

— Забрался вчера в хату. Думаю: «Охраняется хата, значит, там офицерье живет». А где офицерье — там и пожрать найдешь. Вот и стащил. А что в нем? Ни крошки хлеба. Какая-то исчерканная карандашом карта да сигареты…

Развернув карту, разведчики так и ахнули: перед ними была схема Мелитопольского укрепленного района.

— В каком селе раздобыл? — спросил сержант, заталкивая карту под гимнастерку. — Вспомни-ка.

— В Воскресенске.

— Верно, так я и предполагал. Там штаб корпуса. Итак, братцы, срочно домой!

— А как же я? — сквозь слезы спросил Вовка. — На съедение им?

— Пойдешь с нами, — ответил сержант.

К вечеру разведчики вернулись в свою часть, и сержант доложил подполковнику Лепешкину о результатах разведки.

Вовка слышал, как он четко рапортовал:

— Товарищ гвардии подполковник, разведка из тыла врага возвратилась. Потерь нет. Привели мальчика Владимира Валахова, у которого обнаружена немецкая оперативная карта.

— Давай его сюда! — громко приказал командир полка. — Ух, какой герой! — сказал он, потрепав Володьку за волосы. — Сколько лет?

— Тринадцать.

— Пионер?

— Так точно!

Подполковник внимательно разглядывал карту, хмурился, изредка косился на Володьку и, как бы между прочим, расспрашивал: где жил, кто отец и мать да почему убежал из Васильевки, как удалось украсть портфель.

Мальчишка охотно отвечал, уплетая за обе щеки вкусную кашу из солдатского котелка.

— Ну, а почему ты именно к этому полковнику забрался?

— А, — безнадежно махнул рукой Вовка, — тетка одна виновата. Я искал того, длинного палача, который друга Мишку подстрелил… А тетка говорит, что рядом живет какой-то офицер, всегда с портфелем ходит. Ну, думаю, пырну в брюхо штыком ночью. Штык я в поле нашел. А заодно и портфель стяну… Там должны быть списки людей, которых (угоняют. Надо узнать, куда угнали мать и брата Витьку. — Володя вздохнул. — Ну, а этот… Тьфу! Спит голый, храпит, как лошадь… Пырнуть не успел. Заворочался он.

Быстро сложив карту и сунув ее в планшетку, подполковник улыбнулся.

— Спасибо, сынок! — сказал он и крепко обнял мальчишку. — Карта свежая. А составил ее полковник Фокман. О! Это известный зверь. Мы ему еще «пырнем». — Подполковник вскочил на коня и крикнул — Зачислить мальчишку на все виды довольствия!

В сентябре 1943 года советские войска на юге, в районе Мелитополя, готовились к решительному наступлению. Но противник, имея много танков, орудий и пулеметов, прочно

укрепился на правом берегу реки Молочной и надеялся задержать наступление советского фронта на этом рубеже, а потом возобновить наступление. Предстояли тяжелые бои.

Гвардейский полк, в котором служил маленький солдат Володя Валахов, занял позиции за рекой Молочной, южнее города Мелитополя.

Не теряя времени, солдаты изучали военное дело, тренировались в стрельбе, вели разведку противника. Каждый воин готовился к предстоящим боям. Готовился и Володя.

Его было не узнать в новеньком военном обмундировании. Мальчишка обзавелся шинелью и плащ-накидкой, и своим котелком с ложкой. Словом — солдат, как солдат, только ростом от горшка два вершка.

«Эх, мне бы автомат… Вот показал бы я фашистам, кто такой Володька Валахов», — думал мальчишка. Но оказалось, что не так-то просто получить боевое оружие в таком возрасте.

— Тебе разрешается бывать в трех подразделениях, — сказал командир полка, — в санитарном пункте, в хозроте и возле кухни. Помогай солдатам в тылу.

— А когда я буду фашистов бить? — спросил обиженно Вовка.

— Прежде всего нужно уметь владеть оружием, а потом… посмотрим. Маловат ты еще.

Володька натолкал в сапоги соломы, вытягивался при встрече с Лепешкиным, а тот только улыбался:

— Все равно маловат…

Но маленький солдат все же перехитрил командира. Шел однажды подполковник с наблюдательного пункта в штаб и увидел Володю, который сидел на ящике из-под гранат с завязанными глазами. Вокруг него собралось человек десять разведчиков. Затаив дыхание, смотрели они, как мальчуган орудовал с автоматом, на ощупь собирая его. Залюбовался работой мальчишки и подполковник.

— Это что! Я могу даже пистолет разобрать и собрать, — похвалился Вовка.

— А ну, попробуй, — предложил Лепешкин и протянул Вовке свой пистолет.

На разборку и сборку пистолета потребовалась всего одна минута.

— Молодец! — похвалил командир полка. — Теперь проверим тебя на практике.

Отойдя в лощину, подполковник поставил на немецкую каску спичечный коробок и сказал:

— Вот тебе три патрона и отойди на десять шагов от каски.

Собьешь с трех выстрелов коробку — получишь гвардейский значок.

Прищурив левый глаз, Вовка прицелился и плавно нажал на спусковой крючок.

Раздался выстрел. Коробку с каски словно ветром сдуло.

— Отлично. Когда же ты научился стрелять? — удивился командир.

— В осовхиме. Когда в Мелитополе жили, я в осовхим ходил…

— Осоавиахим, — поправил Лепешкин. — Ну, а теперь в каску. Заряжай!

Вовка выстрелил, и в каске появилось сквозное отверстие.

Ни слова не говоря, подполковник снял с груди свой гвардейский значок и прикрепил его к гимнастерке рядового Валахова.

— За овладение оружием, за карту, которую ты добыл для командования… Носи, гвардии рядовой Валахов, этот знак доблести и славы.

В конце лета, когда гвардейский полк Лепешкина стоял в обороне и готовился к штурму Мелитопольских позиций, рядовой Левашев побывал в родном селе.

Нерадостные вести принес бывший учитель, возвратившись в полк. Семья его погибла от рук палачей, мать Володи тяжело больна.

Узнав о том, что мать жива, Володя написал ей письмо:

«Здравствуй, дорогая мамочка! Пишет тебе гвардии рядовой Володька Валахов — твой сын.

Здравствуй, брат Виктор!

Не ругай меня, мама, что я покинул тебя. Это временно. Победим фашистов и я сразу же приеду домой. Может быть, ты думаешь, что меня вместе с Мишей убили немцы? Но я жив и здоров. Убежал я тогда в капусту, а немцы стреляли по всему огороду. Хорошо, что я лежал возле ног офицера под широкими листьями и он не увидал меня.

Ночью я убежал далеко-далеко и заблудился в плавнях реки. Вот где страху было, похлеще, чем дома. Топь такая, даже вылезти трудно. А комары проклятые так искусали, что у меня глаза заплыли. Хуже фашистов! А ночью, как начнут шлепать ногами не то звери, не то люди. Того и гляди на голову наступят. Это немцы, небось, шукали меня. А днем тихо.

Сначала все хорошо было, и я питался корешками камышовыми, а потом как начало тошнить, и я чуть не умер. А тут еще стрелять пушки стали. Лупят по плавням. Может, немцы

узнали, что я там прятался, и потому стреляли. Иначе зачем же им снаряды тратить зря?

Кажись, на третий день я нашел штык. Длинный, ржавый, но острый, как моя пика. И подался я искать того фашиста, который угнал вас и убил Мишу. Нашел, да не того самого. Портфель, в котором у фашистов документы, тоже не тот оказался. Иначе я узнал бы, куда вас угнали. Заодно хлеба хотел раздобыть. Словом, забрался я ночью к фашисту, а он оказался не тот. Того я сразу узнаю. Хотел и этого заколоть, да жалко стало хозяйку дома. Ведь убьют ее потом немцы. Но в портфеле-то была карта. И я отдал ее нашему командиру. Похвалил он меня за карту.

Может быть, ты думаешь, мне тут плохо? Нет, мама, все меня любят, и сплю я с солдатами, а ем солдатский харч. Повар наш очень вкусно готовит. Правда, я хотя и настоящий солдат и гвардейский знак имею, но повару помогаю иногда.

Хороший у меня командир Петя. Разведчик он. А подполковник Лепешкин — это командир полка. Строгий, но меня не обижает. Когда бывает свободен, то всегда зовет в свою землянку. И там мы играем в шашки и чай пьем. И жена у него тоже смышленая, не какая-нибудь просто женщина, а врач-капитан. Детей у них нет, и они говорят, чтоб я после войны к ним поехал. Чудаки… Я домой поеду к тебе, дорогая мама. Лишь бы скорее кончилась война.

И еще у нас в полку есть разведчик Левашев. Это наш учитель. Да только мы не враз узнали друг друга. Я подрос и он стал потолще, да медали теперь у него две. Собирается меня учить, но ничего из этого не получится. Скоро в бой пойдем, и мне некогда детскими делами заниматься.

Ты не беспокойся, мама, как победим гитлеризм, так сразу я приеду домой. И врагам я не поддамся, не бойся. Отомщу им за все, пусть знают, как соваться к нам.

А если встретишь того деда, скажи, что я помню его и, когда вырасту, долг за ботинки отдам. Только не забудь сказать, что я стал солдатом. До свидания. К сему гвардии рядовой твой сын Володька».

Сержант долго был в штабе. Разведчики догадывались, неспроста вызвали командира. Возвратился Петя в хорошем настроении.

— Ну, хлопцы, задание получил. Идем ночью в тыл врага. Нужно разведать окраину Мелитополя, узнать, где там у него пушки да минометы.

Узнав, что разведчики собираются в тыл врага, гвардии рядовой Валахов начал упрашивать сержанта, чтобы тот взял его с

собой в разведку.

— Не могу, — отнекивался сержант.

— Я город хорошо знаю, — доказывал Вовка. — Каждый дом знаком.

Но сержант был неумолим. Разведчики ушли, и Вовка остался в землянке один. С досады он забрался под шинель, лег на нарах и не заметил, как уснул. Разбудил его приглушенный голос.

— Я же говорил, что на бревне плыть надо… Не послушали, вот и потеряли Илюшу.

— Да, скверно дело, — вздохнул сержант. — Товарища потеряли и задание не выполнили…

Вовка сразу понял, о чем речь идет, и чуть не расплакался. Жаль ему было веселого Илью.

— Почему меня не взяли? — сквозь слезы заговорил он. — Я бы вас незаметно в город провел.

На следующую ночь пошли на задание сержант Петя и рядовой Левашев. Никто не заметил, куда исчез Володька. А в плавнях, когда разведчики были уже далеко от своих, вдруг послышался сзади топот, кто-то догонял, пробираясь по тропе в зарослях камыша.

— Чего остановились? — послышался голос Володьки. — Правильно идете…

— Кто тебе позволил? Марш обратно!

— Ну чего кричишь, немцы услышат, — зашептал Володька. — Я уж давно сзади иду. Мешаю, что ли?

— Ладно, леший тебя за ногу, идем, — согласился сержант. — Но смотри!

— Есть, смотреть!

Левашев и Петя оделись в немецкое обмундирование, а Володя в тряпье, раздобытое в покинутой жильцами хате. Решили пробираться по заросшим плавням. Ночь темная, сырая, с камыша словно дождь льет. Сначала под ногами только хлюпало, а потом вода подступила к груди. Вот и лодка. Ее приготовили еще прошлой ночью. Теперь не страшно. Немцы охраняют плавни лишь с одной стороны. Шарахаются разбуженные лещи, где-то в зарослях крякнула утка. Вскоре лодка снова врезалась в камыш, остановилась и ни с места.

— Прыгайте! — шепчет сержант. — Тут мелко.

Во мраке показалась старая избушка рыбака, рядом косматая ива. Все, как до войны. Наконец-то под ногами твердая почва, сплошь усеянная кочками.

— Теперь идите за мной, тут я все знаю, — сказал Володя и оказался впереди. — Не отставайте! — Обогнули какие-то скирды, долго пробирались по кустам, и наконец, огороды. —

Окраина Мелитополя, — шепнул юный разведчик, — а потом и город будет.

Внезапно наткнулись на батарею немецких артиллеристов, но, к счастью, незамеченные часовыми обошли ее и оказались в заросшем бурьяном огороде.

— Ну, «Иван Сусанин», — сказал сержант, — ховайся и жди нас. Возвратимся только завтра ночью. Сигнал — кваканье лягушкой.

— А я? Я же…

— Слушай, что говорят, — оборвал сержант. — Разъякался не ко времени…

— Вот тебе хлеб и колбаса, — Левашев передал мешок Володе и добавил — Осторожно, земляк. Ты свое дело сделал. Помни, если сцапают, ты «нищий и бездомный».

Володька и слова сказать не успел. Сержант и Левашев исчезли в темноте…

Володя Валахов.

Долго лежал Володя в огороде, прислушиваясь к грому пушек и перестуку пулеметов, потом встал и пошел по направлению к городу. «Как будто я не могу выявлять, где и что у немцев», — решил мальчишка.

Там, где остались позади камышовые заросли, уже белело небо. Близился рассвет.

Сорвав два кабачка и засунув их в карманы штанов, Вовка пополз через ограду.

Делал он это осторожно. При каждом шорохе замирал, всем телом прижимаясь к земле. Часовые его не замечали, но страшно

было оттого, что наша артиллерия стреляла по окраине города и вокруг то и дело свистели осколки.

В одном месте мальчишка чуть не столкнулся с часовым. Чтобы отвлечь его внимание, он бросил камень на крышу дома. Загремело железо. Немец насторожился и пошел за угол. Тем временем маленький разведчик прошмыгнул через двор и оказался на знакомой улице. Прижимаясь к домам, перебегая от угла к углу, он пробирался все дальше.

Начало светать.

С реки Молочной дул прохладный ветер и промокший мальчик дрожал от холода. Город разрушен. Нет ни одного не пострадавшего от войны дома. Кажется, что горожане покинули Мелитополь. Нигде ни души.

С трудом Вовка нашел дом, в котором жил его друг Толя. Мальчишки когда-то вместе ходили на речку, купались, рыбачили.

Постучал. Из-за закрытых ставен донесся старушечий голос:

— Кого надо?

— Где Толька? — спросил тихонько Вовка.

— Спит в погребе… А ты кто будешь?

— Друг Толькин, — снова зашептал Вовка в щелку ставни.

Из дома вышла старушка. Пропуская Вовку в комнату, она ворчала:

— Стреляют и стреляют… Житья никакого нет. Из-за речки наши палят. И немцы своих пушек возле понаставили. На Октябрьской стоит какой-то шестидульный анчихрист, на Сенной площади орудия длинные в небо глядят.

«Зенитки, — сообразил Вовка. — Надо запомнить».

Где-то рядом взорвался снаряд.

— Иди-ка ты к Тольке в погреб, — заволновалась старуха. — Шарахнет, будешь знать.

В погребе было темно.

Минут пять Вовка всматривался в темноту, прежде чем увидел своего друга, который лежал на соломе и сладко спал под одеялом. К нему под бочок прилег и Володя.

— Толька, проснись ты, — начал тормошить он мальчишку, ткнув пальцем в бок.

— Не коли, — спросонья забормотал тот и открыл глаза.

Узнав Вовку, обрадовался и тут же пояснил:

— А мне приснилось, что меня немцы колют штыком…

— Я тебе кабачков принес, — сообщил Вовка.

— У нас свои есть, — сонно ответил приятель.

Разговор дальше не клеился.

— Давай лучше на улицу пойдем, — предложил Вовка, — там

пушки стреляют. Ух, как интересно!

— Пойдем! — живо согласился друг и сбросил с себя одеяло. — Надоели, собаки. Житья нет.

Уже было утро. Солнце светило вовсю. Изредка то там, то здесь рвались снаряды.

— Не боишься? — спросил Вовка.

— Я ничего не боюсь, — хвастливо заявил Толька и выпятил грудь, как петух. — Теперь хана немцам. Наши идут.

— Тогда помоги мне в одном деле, — предложил Вовка.

— В каком?

— Понимаешь, встретил я вчера учителя на улице, а он мне и говорит, что после войны наш город музеем будет, — начал сочинять юный разведчик, — где штаб немецкий был, где пушки у них стояли — везде дощечки потом повесят. Вот нам и нужно эти сведения собрать…

— Музей, это хорошо, — недоверчиво согласился Толька и, немного подумав, добавил — Обманываешь ты, наверное, меня…

— Зачем же мне тебя обманывать… — нарочито обиделся Володя.

— Я сразу догадался, кто ты такой, — вымолвил вдруг Толька. — Партизанишь, да?

Вовка испуганно замахал руками, боясь разгласить военную тайну, он, быстро оглянувшись, слезливо стал убеждать:

— Нет, что ты! Я теперь бродячий… Мать потерял, родных нет…

— Меня не обманешь. Дай честное пионерское, — прошептал Толька.

Вовка промолчал. А Толька уже горячо упрашивал:

— Я никому не скажу. Ты не бойся… И в разведку с тобой пойду. Я храбрый. А в подвал меня бабка загнала…

Вовка молча пожал руку приятелю. Через несколько минут мальчишки уже шныряли по городу, высматривая, где находятся замаскированные батареи врага. Немцы не обращали на маленьких оборвышей никакого внимания. Они не догадывались, зачем один из ребят таскает с собой длинный кабачок. А Вовка делал на нем ногтем отметки, которые мог расшифровать только он один.

К вечеру пошел дождь. Он лил беспрестанно, мелкий, как из сита. Нужные сведения были уже собраны, и юный разведчик решил не сидеть больше ни одной минутки, пробираться к огородам, где в условленном месте должен встретиться с сержантом Левашевым. Простившись с Толькой, он юркнул в дырявый забор и исчез.

— Ква, ква! — тихо подал сигнал Володька. Ответа нет.

Присел в высокую лебеду, притаился. Сердце колотится, почему-то радостно и хочется улыбаться. Это от удачной разведки распирает грудь ребячья радость.

— Ква, ква! — послышалось недалеко.

— Ква, ква! — ответил Володька.

Картофельная ботва зашевелилась, и из нее показалась голова сержанта.

— Все в порядке? — тихо спросил Володька.

— Порядочек. Но где ты пропадал?

— Там, где и вы. Разведку делал…

— Идем, голова садовая. Левашев уже у лодки.

— Тогда пошли!

Когда разведчики были уже около плавней, немцы начали стрелять в небо осветительными ракетами. Несколько секунд от них было светло, как днем, а когда они гасли, становилось так темно, что не было видно друг друга.

— Я с закрытыми глазами найду, где наша лодка спрятана, — шепнул Вовка.

…Та-та-та! — заговорил где-то сзади на обрывистом берегу пулемет…

Громовым раскатом ответило с противоположного берега орудие. И снова тишина.

Обратно переправиться было труднее. По плавням стреляла минометная батарея. Осколки шуршали над головой, шлепаясь в воду, шипели, как змеи. Пришлось разведчикам плыть рядом с лодкой, держась рукой за борт. Так менее опасно.

Вдруг откуда-то с окраины города застучал крупнокалиберный пулемет. «Фить, фить», — посвистывали пули над головой. Видимо, гитлеровцы нащупали переправу разведчиков, но темнота не позволяла им вести прицельный огонь.

— Ух ты, перец с чесноком! — выругался Вовка, подражая командиру, — по руке что-то царапнуло…

— Держись, сынок, — ласково проговорил Левашев, — скоро уже…

Подплыли к темной стенке камыша. Наконец-то берег.

— Свои, что ли? — раздался в темноте знакомый голос.

— Свои, — ответил сержант.

Выйдя из воды, он первым делом попросил закурить. В кулаке Фомы вспыхнул огонек зажигалки, и сержант жадно вдохнул махорочный дым.

— Посветите сюда, — попросил Вовка и протянул руку.

Сержант приблизил лицо и увидел темную струйку крови, стекающую с локтя Володи.

— Взял я тебя на свою голову… — сказал он. — Бинт, скорее…

О чем говорили дальше, Вовка не помнит. Очнулся он в деревенской хате, где разместился полковой медпункт. Туго перевязанная рука ныла. У изголовья сидел подполковник Лепешкин. Лоб в испарине, лицо мрачное.

— Ну, рассказывай, — тихо сказал он и погладил рукой по голове маленького гвардейца. — По закону пороть тебя вместе с сержантом надо, но победителей не судят.

— Так мы же выполнили приказ, товарищ подполковник. Разве что не так?

— Так-то оно так, да что бы я делал, если чего посерьезнее случилось… Ладно, докладывай, — подполковник вытер ладонью лоб, закурил.

— У меня все на кабачке отмечено, — сказал Вовка и полез к штанам, в карманах которых хранились драгоценные кабачки, — сейчас я все… — Увы, карманы были пусты. — Где же кабачки? — чуть не плача, спросил маленький разведчик.

— Могу доложить, — шагнул через порог повар, — кабачки на сковородке. Можно подавать?

— Перец с чесноком! — возмутился Вовка. — Удружил!

— Ну, а зачем же расстраиваться? — улыбнулся Лепешкин.

— Могу удружить! — козырнул повар. — Есть и перец и чеснок!

— Что вы наделали? — сокрушался Вовка. — Ведь на кабачках все было написано. Шпаргалку поджарили… — Володя уткнулся в подушку и разревелся. — Вся разведка пропала даром…

— Это дело поправимое, — успокоил мальчишку командир. — Ты ведь не забыл, где пушки немецкие стоят?

Володя вытер слезы, сел на койке и стал обстоятельно рассказывать командиру о том, что видел в городе, как переправлялись туда и обратно. Подполковник еле успевал делать пометки на топографической карте и повторял лишь одно слово: «молодец».

Сведения оказались ценными и своевременными. Через несколько дней войска армии пошли в наступление. Артиллерия и краснозвездные штурмовики точными ударами сметали с лица земли все огневые точки врага, ловко замаскированные на улицах Мелитополя. В этом им помогли сведения, добытые в тылу фашистов маленьким разведчиком, советским пионером Володей Валаховым.

Левашев оказался настойчивым человеком. Дел у разведчиков

по горло, а он свое:

— Пора, Валахов, за учебу. Командир полка требует, чтобы я учил тебя.

— Как же это так? — (удивился мальчишка. — Все воюют, а я задачки решать буду?

— Будешь учиться — останешься в полку. Не будешь — подполковник сам отвезет в детский дом, — припугнул ефрейтор.

Расставаться с полком Вовке не хотелось, и он беспрекословно подчинился приказу командира. В часы затишья усердно решал задачи, учил правила грамматики. Разведчики где-то раздобыли роман Толстого «Война и мир». Вовка прочитал его вслух своим фронтовым друзьям от корки до корки. Французский текст он пропускал.

— Хорошо читаешь, — с завистью говорил ему Фома, — а у меня вот грамоты маловато. Может, и мне с тобой за компанию подучиться, а?

Так у ефрейтора Левашева стало два ученика. Но учиться вместе им долго не пришлось.

Как-то раз во время очередного урока в землянку к разведчикам вбежал сержант и приказал им срочно отправляться на открытое партийное собрание в штаб.

В позолоченном осенью саду выступал гвардии подполковник Лепешкин. Он говорил о том, что скоро полк пойдет в наступление, что коммунисты должны быть впереди. В конце своего выступления командир добавил:

— Среди нас есть пионер Валахов. Этот храбрый юный разведчик сделал большое дело! Он достал карту немецкого укрепленного района, ходил на важное боевое задание. Но в этом наступлении ему надо быть в тылу. Так что учтите это, товарищ Валахов!

Потом выступили коммунисты и комсомольцы. Они говорили о том, как лучше выполнить приказ командования, заверяли, что будут в бою смелыми, и обещали обязательно победить врага.

Хотелось и Володе быть таким, как все коммунисты и комсомольцы, тоже пойти в бой, но он знал: нарушать приказ нельзя.

— Это будет страшный бой, — сказал Левашев. — И командир полка прав, что ты не должен быть на передовой.

На следующий день на рассвете начался такой грохот, что, казалось, сама земля разваливается на части.

Вовка выбежал из землянки. Грохот заглушал все. Стреляли пушки, пулеметы, сотрясали воздух своим гулом гвардейские минометы «катюши», ревели самолеты.

На военном языке это называется артиллерийской и

авиационной подготовкой атаки. Наступали по всему фронту.

Вовка взобрался на высоту, хотел посмотреть вокруг, но высотка оказалась уже занятой. Там в неглубоком окопчике стояли генерал и несколько офицеров.

— Рядовой Валахов, разведчик роты из полка Лепешкина, — доложил мальчишка и вытянулся в струнку.

Генерал строго посмотрел на маленького солдата и, обращаясь к одному из офицеров, спросил:

— Что тут Лепешкин детский сад развел, что ли?

Офицер что-то шепнул генералу, и лицо того сразу подобрело.

— Слышал, слышал о таком, — заговорил он. — Хорошую карту раздобыл, но воевать ему все-таки рановато…

— Товарищ генерал, разрешите в стереотрубу посмотреть, — вдруг попросил Вовка.

— Посмотри, — разрешил генерал.

Прильнув к трубе, Вовка увидел идущие в бой танки. Из сада, сверкая клинками, неслись конники. Артиллеристы толкали вперед пушки, останавливались, стреляли и снова толкали. Вовка искал своих. Он водил стереотрубу то вправо, во влево, но знакомых разведчиков так и не увидел. Все пехотинцы казались одинаковыми. Бежали, падали и снова бежали.

— Насмотрелся? — спросил генерал. Он окинул Володю внимательным взглядом и, почему-то тяжело вздыхая, сказал: — А эту записку передай своему командиру полка.

— Есть! — ответил маленький сержант.

Мальчишке хотелось быть там, где идет бой, самому сразиться с врагами и казалось, что это совсем просто: стреляй, догоняй удирающих фашистов…

— Где ты болтаешься? — напустился на Вовку Фома, когда тот вернулся в землянку. — Полк в наступление пошел, а меня нянькой к тебе приставили… Разве это дело?

— А я тебя не держу, — буркнул Вовка. — Без разрешения я не пойду туда. Нельзя, значит, так надо.

— Тогда я пойду, а ты около кухни побудь, — заторопился Фома и, взяв автомат, выскочил из землянки.

На окраине Мелитополя стоял несмолкаемый гул. Стреляли орудия, громыхали танки, пикировали из-за облаков самолеты… Поодиночке и группами шли в тыл раненые. У кого обмотана голова бинтами, у кого рука, нога… То там, то здесь прямо возле хат рвутся снаряды. Огрызаются гитлеровцы.

Розовощекий повар то и дело поглядывал туда, откуда доносился грохот боя, ругался:

— Каша давно готова, а куда ее подавать, черт знает!

Солдаты, наверное, проголодались.

Вовка молчал. Какое ему дело до какой-то каши, когда его товарищи сражаются с врагом, когда такое творится…

— Может быть, ты сбегаешь и узнаешь у командира, куда кашу подавать? — не унимался повар. — Вот черти. Гляди, к вечеру не затихнет…

Вовке только того и нужно было. Перепрыгнув через траншею, он, не сгибаясь, побежал в сторону грохота.

— Ты куда? — окликнул его из окопчика солдат.

— Командира ищу! — второпях ответил Вовка и побежал дальше. Над головой просвистел снаряд. Мальчишка скатился в воронку и, к своему удивлению, увидел там Левашева.

— Ты как сюда попал?

— Капитана ищу. Спросить надо, куда обед подавать…

— Да разве до обеда сейчас? — проворчал ефрейтор. Он сказал еще что-то, но Вовка не расслышал его слов. Со стороны противника ударили сразу несколько орудий и пулеметов. Левашев чуть пригнулся, а потом, выглянув из воронки, начал строчить из автомата.

— Сиди тут! — крикнул он Вовке и куда-то побежал.

Терпкий запах пороховой гари ударил в нос. Мальчишка тоже выглянул из воронки. Совсем рядом лежали два убитых немца. А чуть подальше — перевернутый вверх колесами пулемет. И еще увидел Вовка, как с автоматом наперевес бежит его командир — разведчик Петя. Неожиданно он взмахнул руками и, выронив автомат, упал.

— Петю убили! — не своим голосом закричал Вовка. — Убили!

Вдруг, откуда ни возьмись, рядом появился капитан.

— Левашев! — крикнул капитан. — Возьми группу солдат, ударь с тыла!

— Куда кашу нести? — спросил Вовка, но командир роты не расслышал его. Кругом стояла оглушительная трескотня. Наши бойцы залегли. С серого курганчика продолжал громко стучать вражеский пулемет.

Он строчил без передышки, не давая поднять головы советским солдатам. Капитан, пригнувшись, побежал по траншее и откуда-то издалека послышался его голос: «Уходи! Немедленно!»

Справа к домам подходили танки. Большим пламенем пылала крыша. А пулемет все стрелял и стрелял. Рядом в окопе стонал раненый пожилой солдат.

— Да нешто на него управы нету! — ворчал он. — Подползти незаметно и…

Вовка посмотрел вокруг. На глаза попалась тяжелая противотанковая граната, видимо, кем-то забытая в окопе. Мальчишка несказанно обрадовался находке. Такой штукой не только пулемет, а самую большую пушку можно заставить замолчать.

Не сознавая смертельной опасности, он выбрался из окопчика и пополз к курганчику, с которого строчил вражеский пулемет. Пули свистели над головой. За ворот гимнастерки сыпалась сухая картофельная ботва. На зубах хрустел песок. Курганчик все ближе и ближе.

Вовка решил зайти в тыл фашистским пулеметчикам. Обогнув курганчик, он начал потихоньку карабкаться по его противоположному склону. Вот уже до пулеметного гнезда рукой подать.

— Ага! Попались! — закричал Вовка и, взмахнув гранатой, застыл над фашистскими вояками. Немцы оторопели. Пулемет сразу замолчал.

Могли бы фашисты убить Володьку, но в руках у него противотанковая граната. Упади маленький солдат, скошенный вражеской пулей, граната мгновенно взорвется со страшной силой и тогда всем «капут».

Воспользовавшись замешательством противника, наши бойцы ринулись в атаку.

— Руки вверх! — услышал Вовка за своей спиной знакомый голос и, повернувшись, увидел капитана.

В его руке поблескивал автомат.

Подоспевшие разведчики разворачивали захваченный пулемет в сторону врага.

Немцы, задрав руки, злобно смотрели на маленького советского солдата, который заставил их сложить оружие.

— Отвести пленных в тыл! — приказал капитан и кивнул на противотанковую гранату в руках Володи: — Ты знаешь, что этой штукой танк разбить можно? Схватил… После боя я тебе устрою «баню».

— А я что, дурак? — простодушно ответил Вовка. — Я же вытащил из нее запал.

Стоявшие рядом солдаты засмеялись.

Капитан сначала улыбнулся, потом насупил брови.

— Ладно, веди их Левашеву. А это тебе. — Командир подарил маленькому разведчику новенький парабеллум, отнятый у немецкого офицера.

…Через пять дней, когда уже был освобожден Мелитополь, Лепешкин навестил Вовку.

— Приехал пороть тебя за непослушание, — шутил он. — Вот

в записке, которую ты передал мне, командующий так и пишет: «пороть». Не тебя, а меня хочет генерал «пороть».

«Я больше не буду», — хотел сказать мальчишка, но промолчал.

А подполковник, вынув из кармана медаль «За отвагу», уже серьезным голосом произнес:

— От имени Президиума Верховного Совета СССР вручаю награду.

Потом, прикрепляя медаль к гимнастерке маленького солдата, добавил:

— Кроме того, тебе присвоено звание сержанта.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил Вовка.

Командир был весел. Полк отлично выполнил боевую задачу. Многие гвардейцы и сам командир были награждены боевыми орденами.

В тот же день полк двинулся вперед. Маленький сержант ехал на вороном коне рядом с подполковником Лепешкиным. Медаль он прикрепил на борт шинели. Через плечо на ремне висел немецкий пистолет.

Когда полк проходил по улицам Мелитополя, Володя вдруг увидел Толю. Мальчишка стоял с лопатой возле дома и смотрел на солдат-освободителей.

— Толька! — крикнул Володя и помахал рукой.

Толя узнал приятеля, но нисколько не удивился, увидев его на коне и в военной форме.

— Уходишь? — спросил он.

— Победим гитлеризм, приеду! А что ты делаешь?

— Закапываю воронки. Приезжай, Вовка!

Володя повернулся к приятелю так, чтобы тот увидел медаль на отвороте шинели. Но Толя медали не заметил. Он помахал над головой старой шапкой и крикнул вдогонку:

— А еще потребуется что-нибудь, приходи!

— Ладно, увидимся! — ответил Володя, и ему почему-то стало немного грустно.

Советские войска с боями освобождали деревни и села и шли на запад. Вскоре немецко-фашистские захватчики были отброшены за Днепр.

В боях и походах маленький гвардии сержант закалялся, приобретал боевой опыт, не по годам взрослел, но по матери скучал, думал о ней часто. И вдруг радость! На Днепре во время небольшого затишья Володя впервые за свою жизнь получил письмо. Конверт из старой пожелтевшей обложки ученической тетради. Володя сразу догадался — это от матери. Не дочитав его,

он на радостях побежал к разведчикам.

— От мамы!.. — только и мог выпалить он, протягивая письмо Левашеву.

— Читай вслух, — предложил ефрейтору Фома. А тут и другие разведчики стали просить почитать письмо. Левашев кашлянул и, разгладив на ладони листок, начал громко:

«Здравствуй мой сынок, Володя! Вчера зашел председатель колхоза и говорит: „Мария, радуйся! Письмо тебе от Володи“, — и дает голубой конверт. Я так и обомлела. Значит, жив ты, мой родной! А мы думали, что тебя немцы проклятые замучили. Где же ты теперь? Неужели правда, воюешь как настоящий солдат? Ведь тебе…»

Левашев поперхнулся и хотел пропустить, что было написано дальше, но Фома протрубил:

— Читай подряд…

«Ведь тебе только тринадцать годков, — продолжал ефрейтор. — Поди, страху натерпелся… Ты уж попроси командира, чтобы отпустил он тебя домой. Я рубаху тебе сшила.

А мне, родной, тоже досталось от фашистов. Проклятые собрали в селе баб и погнали, словно скот, в Германию. Кормили в дороге жмыхом да сырой свеклой. А били они нас шомполами да плетками. Может быть, и в живых бы мы не остались, если бы не наши солдаты. Спасли нас, родимые, от смерти. Машинами в село привезли.

Колхоз наш пока бедный. Мужиков нет, коней в армию отдали. В поле работают одни бабы да малыши.

Я не работаю. Лежу пластом и кровью харкаю. Это они — изверги, довели меня до могилы. Уж не знаю, выживу ли? Пропиши, сыночек, долго ли еще воевать будешь? А если не пустит тебя командир домой, то служи усердно, начальства слушайся и фашистов бей нещадно. Отомсти им за все наши страдания.

Кончится война — учись на командира. Это тебе завет материнский. Может, и я доживу до тех лет, чтобы на тебя полюбоваться.

Пропиши мне, сынок, сыт ли ты, одет ли, не обижают ли тебя. Под пули не лезь.

Целую тебя крепко. Твоя мама».

— Тут есть приписка, — добавил Левашев и прочел:

«Вовка, это я писал. Мама диктовала. Совсем худо маманьке, сильно хворает. Ну, бывай. Твой брат Виктор».

Фома молча подошел к Левашеву и, взяв у него письмо,

гневно сказал:

— Вы слыхали, братцы? Да разве после всего этого можно щадить фашистов? Гнать их и бить беспощадно!

— Правильно! — хором ответили разведчики. — Бить врагов беспощадно!

В тот же день в полку было общее собрание. Гвардии подполковник Лепешкин сам читал для всех письмо Вовкиной матери. Выступили офицеры и солдаты. Все они клялись беспощадно бить фашистов. Тут же коллективно был написан ответ. В письме командир хвалил Володю, рассказывал о его подвигах. Но заканчивалось оно неожиданно для маленького сержанта Валахова: «Будьте спокойны за судьбу вашего сына. Завтра он едет в Москву. Посылаем его учиться в Суворовское училище. Через год приедет к вам на каникулы».

Вовка не знал, радоваться ему или огорчаться. Как поступить в этом случае, подсказал Левашев:

— Приказ есть приказ. Выполняй.

Проводы были сердечными. Солдаты обнимали и целовали своего маленького друга. Подарили ему новенькую шинель с погонами сержанта, сапоги, полевую сумку и компас, трофейные часы, снабдили деньгами на дорогу. До штаба армии, где Володя должен был получить документы, его провожали Фома и Левашев. Всю дорогу вспоминали о минувших боях, говорили о счастливой жизни, которая наступит после войны.

— Мне бы сейчас за плугом походить, — вздыхал Фома и с грустью смотрел на свои большие руки, тоскующие по мирному труду.

— А я по ребятишкам соскучился. В школу хочется, — поддакивал Фоме бывший учитель Левашев.

За разговорами не заметили, как подъехали к штабу. Кругом ходило много офицеров. Маленький сержант еле успевал приветствовать их. Мимо прошел генерал. Володя вытянулся в струнку, поприветствовал его. А генерал прошел мимо и внимания не обратил.

— Не порядок, — пошутил Фома, — Все же ты гвардии сержант, а генерал тебя не заметил.

Расстегнув шинель так, чтобы была видна медаль, Володя юркнул в генеральскую землянку.

— Товарищ генерал! Гвардии сержант Валахов! — представился он генералу. — Разрешите обратиться?

— Обращайтесь, — ответил генерал, не поднимая головы. Он рассматривал какую-то карту.

— Когда вы шли, я отдал вам честь, но вы почему-то не ответили.

Генерал бросил карандаш на стол и, сняв очки, с удивлением посмотрел на мальчишку.

— Дорогой мой сержантик, — заговорил он. — Устал я. Понимаешь, устал, потому и не заметил. Ты уж извини меня.

Вовка улыбнулся и не знал, что ответить.

— Вот и встретились мы еще раз, — сказал генерал. — Звонил ваш командир. Одобряю. Я еще тогда в записке писал Лепешкину: «Пришли его мне, определю». Жаль было расставаться. Ну ладно. Значит, учиться хочешь? — спросил генерал.

— Хочу!

— Вот и прекрасно! В Москву в Суворовское училище поедешь.

Вовка хотел уже выйти из землянки, но, вспомнив своих друзей, замешкался у порога.

— Ну, что еще у тебя? — спросил генерал. — Выкладывай.

Немного смущаясь, маленький сержант рассказал о Фоме и Левашеве и попросил генерала отпустить их домой к мирному труду.

— Не могу, товарищ сержант! Нам предстоят еще тяжелые бои. Пусть уж потерпят твои друзья еще немного.

— Они не просили. Это я сам…

— Это хорошо, что ты о людях заботишься, — похвалил Володю генерал, — хороший командир из тебя получится. Ну, а сейчас иди, поезд через час отходит.

Около землянки Володю ждали Левашев с Фомой. Тут же стояла грузовая машина, на которой ему предстояло ехать на прифронтовую железнодорожную станцию.

Когда маленький сержант был уже в кузове, Фома, подозрительно потерев кулаком глаза, попросил:

— Генералом станешь — нас не забывай… и застегнись, простынешь.

— Смотри, учись хорошенько! — крикнул вслед отходящей машине Левашев и помахал рукой.

На железнодорожной станции было многолюдно. Все куда-то спешили, суетились. Слышались шутки, а на душе у Володи стало тоскливо. Никак он не мог забыть друзей-однополчан.

В комендатуре его покормили. Потом какой-то майор положил ему в кожаную сумку документы и проводил до вагона.

Пассажиры с удивлением и уважением рассматривали маленького сержанта, расспрашивали, за какой подвиг получил он медаль. Сначала сержант охотно отвечал, а потом ему все это надоело и он, забравшись на верхнюю полку, заснул.

Через трое суток сержант Владимир Валахов прибыл в Москву в Управление суворовскими училищами и предстал перед

генералом.

— Гвардии сержант Валахов прибыл на учебу! — доложил он.

— Фронтовик? — спросил генерал.

— Так точно! — Володя то и дело козырял и стучал каблуками, думая, что этим самым выражает свою дисциплинированность и готовность выполнить приказ генерала.

— Ну ладно… козырять ты умеешь, а учиться как будешь, хорошо?

— Так точно. Хорошо буду учиться. Даже отлично, — заверил маленький сержант генерала.

Но своего слова Володя не сдержал. Трижды убегал он из Суворовского училища, и каждый раз его ловили. Дальше Курского вокзала убежать не удавалось.

— И не стыдно тебе? — говорил генерал. — Товарищи на фронте думают, что ты учишься, а ты…

— Учиться никогда не поздно. Я фашистам хочу мстить, — твердил Володя. — Нечего мне с «малышней» за партой сидеть…

— Приказываю учиться, гвардеец! — сердился генерал.

Приказы и уговоры не помогали. Учился Володя плохо.

Однажды после очередного побега, когда офицер-воспитатель привел Володю в Суворовское училище, он увидал на своей койке письмо. Маленькое, треугольное. Письмо было печальное. Брат Виктор писал:

«Вчера умерла мама… Телеграмму хотел послать тебе, да денег не было. О тебе вспоминала. Наказывала, чтобы ты учился. Очень она хотела, чтобы ты стал офицером».

Никто не видал, куда исчез суворовец Валахов. Шинель и шапка на месте, на койке разорванный конверт, все цело, а мальчишки нет.

Все училище было поднято на ноги. Казалось, что нет такого уголка, куда бы ни заглянули офицеры. Известили милицию. И лишь ночью дежурный по училищу, забравшись на самую верхнюю лестничную площадку, услышал: кто-то на чердаке плачет… Это был Володя. Прижавшись к трубе, он сидел на пыльной балке и, закрыв лицо руками, плакал.

Командиры и товарищи как могли приласкали осиротевшего мальчика. Помогли пересилить горе, подсказали, как поскорее избавиться от печали. В труде, учебе любое горе переживается легче. Володя полностью подчинил себя главному делу — занятиям.

А вскоре произошло другое событие. Уже радостное. В гости к Вовке приехал ефрейтор Левашев.

Мальчишка вбежал в вестибюль и увидел своего фронтового друга. Он стоял около стенда и рассматривал фотографии

суворовцев-отличников учебы. Стоял на одной ноге. Сердце у Вовки замерло от испуга. А Левашев, шагнув к нему на костылях, заговорил:

— Здравствуй, суворовец! Я тут вот фотографии разглядываю, а твоей почему-то не нахожу среди отличников учебы?

— Как же это, а? — кивнул Вовка на единственную ногу ефрейтора, словно не расслышав вопроса.

— Как видишь… Отвоевался я…

— А как остальные?

— Фома погиб, — глухо сказал Левашев и опустился на стул, стоявший около стенда. — Остальные пока живы, о тебе спрашивают, беспокоятся, почему не пишешь, как учишься. Всем хочется, чтобы ты не терял гвардейскую честь, честь фронтовика.

Суворовец промолчал.

Долго говорили фронтовые друзья: ученик и учитель. Посочувствовал Левашев и несчастью Володи, сказал, что только фашисты виновны в смерти Володиной матери.

— А помнишь наказ матери? — спросил Левашев.

— Помню, — потупился Володя и мысленно давал клятву: «Я буду офицером. Буду учиться только на отлично. А если потребуется еще раз защищать Родину, то не пожалею жизни».

Многое понял в часы беседы с Левашевым маленький сержант. Расстались, как сын с отцом. Даже прослезились оба.

…И в болезни бывает перелом, и в ходе войны, когда силы противника почти равные. Бывает переломный период и в характере человека. Наступил он и у Володи.

Суворовское училище Владимир Валахов закончил с золотой медалью.

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан Валахову Владимиру Дмитриевичу
родившемуся в апреле 12 дня 1930 года,
в том, что он, поступив в 1943 году в среднюю школу №
Свердловское Суворовское военное училище, окончил
полный курс этой школы в школьном летнем пятидесятом году и
обнаружил при отличном поведении следующие знания по предметам:

Русский язык	5 (пять)	Конституция СССР	5 (пять)
Литература	5 (пять)	Геометрия	5 (пять)
Алгебра	5 (пять)	Физика	5 (пять)
Геометрия	5 (пять)	Астрономия	5 (пять)
Тригонометрия	5 (пять)	Химия	5 (пять)
Естествознание	5 (пять)	Иностранный язык	5 (пять)
История СССР	5 (пять)		
Всеобщая история	5 (пять)		

На основании Постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от
21 июня 1944 г. № 758 о мероприятиях по улучшению качества обучения в школах
Валахов Владимир Дмитриевич 1944 г. окончил с ЗОЛОТОЙ медалью

Настоящий аттестат выдан в соответствии с Положением о золотой и серебряной медалях „За отличные успехи и примерное поведение", утвержденного Советом Народных Комиссаров Союза ССР 16 мая 1945 года, дает право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без вступительных экзаменов.

Начальник училища
гв. генерал-лейтенант (Соловьев)

Дирекция школы
Начальник учебного отдела
подполковник (Пантелеев)

Выдан „23" июня 50 г.
г. Свердловск

Учителя

№ 007511

Аттестат Володи Валахова.

Он был одним из лучших физкультурников роты, имел три разряда по разным видам спорта.

После окончания Суворовского училища Володя поступил в

Ленинградское военное училище и закончил его по первому разряду. Это значит с круглыми пятерками.

Стал командовать ротой.

Вскоре слава о роте Валахова гремела по всему Военному округу.

Нашлось место и подвигу. Целый год рота Владимира Валахова занималась разминированием под Новгородом тех мест, где шли когда-то бои с врагами. Тысячи мин, десятки сотен забытых и брошенных снарядов обезвредили валаховцы. За выполнение этого задания командир роты был награжден командующим ценным подарком.

Теперь ребята Новгородской области могут спокойно бегать по лугам и лесам. Там уже нет мин и снарядов.

Затем офицер Владимир Валахов закончил инженерный факультет одной из военных академий в Москве.

Сейчас он служит в Советской Армии и водит большую дружбу с пионерами и школьниками.

Как-то в тире части появилась ватага ребят.

— Это что за гвардия? — спросил командир полка.

— Понимаете, товарищ полковник, все они члены ДОСААФ, а тира у них нет, — сказал майор Валахов. — Разрешите, я с ними займусь?

— Не разрешил бы, тир сегодня нужен, но, учитывая… — полковник улыбнулся, — словом, вы расскажите ребятам о себе…

ПОДВИГ ЮНОГО ПАРТИЗАНА

Перед боевым вылетом, когда самолет уже стоял на старте, командир машины доложил майору:

— Не пойму, что случилось. Нет стрелка.

— Вот он, Сережка, полетит. Заболел стрелок.

— Вы шутите, товарищ майор. Мне воздушный боец нужен, а не мальчишка!

— Он стреляный воробей. Не подведет. Летите, капитан!

Лицо капитана как-то сразу стало недовольным, глаза блеснули насмешливым огоньком, смерили парнишку с ног до головы: «Тоже мне „стреляный“. Парашют до пяток достает».

— Ладно, пусть садится за пулемет.

— Есть! — ответил парнишка.

Сначала полет группы штурмовиков проходил спокойно. Лишь где-то вблизи Альп, когда под крылом промелькнул передний край и цель была близка, из облака вдруг вынырнули два немецких «фокке-вульфа».

Сергей поймал врага в перекрестие прицела, положил пальцы на гашетку, замер.

— Ты заснул, что ли! — собрался было крикнуть капитан, но в этот момент Сергей открыл огонь.

Трассирующие пули красными стрелами впились в правую плоскость немецкого самолета, и враг отвалил в сторону.

В тот же миг откуда-то сверху соколом упал краснозвездный

истребитель и, подойдя вплотную, добил фашиста.

Капитан оказался скупым на слова. Когда возвратились с задания, он даже не сказал, правильно ли действовал воздушный стрелок, а может быть допускал ошибки. Лишь усмехнулся и бросил в сторону стоявшего Сергея:

— Тоже мне воробей…

В столовой Сергей, как всегда, сидел на своем «забронированном» месте возле раздаточной. В шестнадцать лет на аппетит не жалуются…

В середине зала за круглым столом шумно разговаривали офицеры — ветераны полка. Среди них был и капитан. Он что-то рассказывал и громко смеялся, изредка бросая взгляд на Сергея.

Когда Сергей прошел мимо ветеранов, смех мгновенно затих.

— Смотрите-ка, у него орден Красного Знамени!..

— А ты не знал? — сказал кто-то громко. — Этот хлопец видал бой не только с самолета.

Густой массив бельского леса, окаймленный со всех сторон озерами и реками, издавна называют местные жители «Зеленым островом».

В годы войны «Зеленый остров» был недоступен ни для танков, ни для мотопехоты, ни для артиллерии врага. Да и пешему можно пройти только по известным тропам.

Берега рек и озер болотистые, зыбкие, поросли непроходимым кустарником и густым камышом.

Немногим людям, даже старожилам ближайших сел, известны тропы, ведущие в чащу леса. Да и редко кто отваживался ходить в те глухие места. Чего доброго, с медведем или рысью встретишься. Взрослые пугали ребятишек: «Туда пройдешь, а оттуда не вернешься».

В диких местах гнездятся глухари, тетерева, гуси, журавли.

В конце августа 1920 года в бельские леса приезжал на охоту Владимир Ильич Ленин. Вместе со своим братом Дмитрием Ильичем он ходил на «Зеленый остров», охотился там и даже ночевал в шалаше. Любил рассказывать вышегорским ребятишкам старый охотник Трощенков из деревни Нестерово о том, как провожал Владимира Ильича и еще «каких-то наркомов» на «Зеленый остров».

Рассказ деда Трощенкова Сережа хорошо запомнил. И когда он был звеньевым в вышегорском пионерском отряде, то ходил с ребятами на остров, не побоялся. Искали шалаш Ильича. Но времени с тех пор, когда приезжал Ленин, прошло много и шалаш, наверное, разрушился. Указать точно, где он был, никто не мог. А дед Трощенков уже умер.

В этом дремучем лесу и основался партизанский отряд имени

Щорса.

Немало хлопот доставляли партизаны немецким войскам. Летели под откос поезда, горели автомобильные колонны, подорванные на минах, исчезали целые подразделения карателей, рвались склады боеприпасов.

Наравне со взрослыми сражался в отряде совсем еще маленький, лет двенадцати-тринадцати, мальчик Сережа Корнилов.

Это была уже не первая боевая операция, в которой принимал участие Сережа.

Как-то на задание вышли Петр — старший брат Сережи, Василий Панков, прозванный за кашеварство «Василисой», и Сережа. Возглавил группу лейтенант Коля. Вышли глубокой ночью. Через замерзшую речку проползли на животе. Лед был еще непрочный, трещал, прогибался. Того и гляди провалишься и пойдешь на дно раков кормить.

Было безветренно и тихо. Хруст прихваченной морозцем опавшей листвы будил сонных тетеревов. Потревоженные птицы, шумно хлопая крыльями, вылетали из брусничника и, натыкаясь в кромешной тьме на сучья и стволы деревьев, беспомощно падали на землю.

Чем гуще лес, тем труднее идти. Сухой валежник и бурелом вырастали стеной на пути, и разведчикам приходилось уклоняться то вправо, то влево.

Хорошо, что Петр и Сережа знают лес и по каким-то только им известным признакам находят дорогу, а то блуждать бы до утра.

И все-таки разведчики движутся медленно. А время дорого: утром уже пойдут эшелоны с немецкой техникой и вооружением.

Лишь на рассвете партизаны обогнули спящую деревушку на опушке леса и притаились в густом ельнике недалеко от железной дороги. Здесь лес ближе всего примыкал к полотну — можно подобраться незамеченными. Уже хотели выползать из кустов, как вдруг:

— Смотрите, немцы! — сказал Сережа.

Вдоль насыпи, обняв озябшими руками винтовки, медленно шли два высоких гитлеровца. Оба в больших валенках, на голове клетчатые шерстяные платки.

— Плохо дело, дорога охраняется, — сказал лейтенант. — Надо что-то придумать.

— Снять из автомата! — предложил Панков. — Потом рывок к дороге и назад…

— Шуму много будет, — не согласился лейтенант. — Посмотрим, далеко ли они уйдут.

Гитлеровцы дошли до переезда, повернули обратно. В километре от переезда возле самой дороги задымил костер. У костра маячили еще два гитлеровца.

Послышался рокот мотора. Пронеслась на скорости мотодрезина. Проверялась исправность железной дороги. Значит, скоро пустят эшелон, а взрывчатка еще не заложена.

Уже повисло над лесом красное холодное солнце.

Через переезд прошла женщина с вязанкой хвороста. Возле шлагбаума остановилась, утянула покрепче веревку и, взвалив за спину хворост, направилась к деревне.

— Рискнем? — сказал лейтенант. — Броском и…

Партизаны переглянулись. И вдруг Сережа хитро сощурился.

— Давайте сюда мешок. Юбку сделаю…

— Не дури, чего надумал? — рассердился старший брат. — Тоже мне, актер.

— Понимать надо: оденусь девчонкой и понесу взрывчатку с кучей хвороста. Видал, немцы пропустили старушку…

— Идея! — вскочил Василий. — Кто, как не я «Василиса»! Я и оденусь старушкой.

— Эге! Не смеши, — возразил Петр. — Таких здоровущих старушек на белом свете не бывает… Лучше я оденусь старушкой.

— Бросьте, хлопцы, — спокойно сказал лейтенант. Он никогда не повышал голоса. — Пусть Сергей наденет «юбку». Порите мешок.

Через несколько минут, когда путевая охрана удалилась к костру, Сергей вышел из леса и пошел в направлении переезда через железную дорогу.

Вот он уже близко у полотна, сел, незаметно вывалил взрывчатку, поднялся и зашагал к деревне. Он уже вне опасности.

Небо закрыли хмурые осенние тучи. Подул холодный, пронизывающий насквозь ветер. Сережа без теплой телогрейки в одном стареньком легком пиджаке. Стынут ноги и зубы выбивают морзянку. Надо бы бегом да в лес, но, убегая, можно вызвать подозрение у гитлеровцев, привлечь их внимание, еще откроют огонь из автоматов.

Сережа обернулся. Там, где брошена взрывчатка, копошился лейтенант… Он устанавливал взрыватель.

Послышался длинный, сиплый гудок паровоза. У Сергея задрожали ноги, потом всего стало трясти, как в лихорадке. Сердце стучало, как молот по наковальне. Ведь если немцы заметят — тогда все пропало!

Из-за леса показался эшелон… Идет быстро, земля гудит. Вот он уже совсем близко, а лейтенант все лежит у самой насыпи. Со страху у мальчишки подкосились ноги.

— Уходи! Беги! — услышал Сережа голос лейтенанта. — Приказываю! Доложи!

Сережа отбежал всего лишь за бугорок, как раздался взрыв и со страшным грохотом и металлическим скрежетом полетели под откос вагоны. Потом еще взрыв, еще и еще…

Затрещали пулеметные и винтовочные выстрелы.

Сережа оглянулся. К небу поднимался черный столб дыма. Мальчик помчался по высохшему бурьяну к лесу… Бежал долго. Только в самой гуще деревьев, наткнувшись на елку, остановился. Отдышался. Снова побежал…

Далеко позади все еще слышались то одиночные винтовочные выстрелы, то пулеметная дробь.

«Не вернуться ли? Помочь бы надо». Но в ушах словно застряли слова лейтенанта: «Приказываю! Доложи!»

…Глубокой ночью, едва передвигая ноги, Сережа добрался до партизанской базы. Брат Петр уже встречал его у реки.

— С вечера жду, — сказал он, прижимая к себе Сережу, радуясь его возвращению. — Замерз, небось?

— Ни капельки. Даже жарко было. Только есть охота. — Сережа не стал огорчать брата рассказами, как ему было холодно и даже страшно.

— «Василису» не видал? — спросил Петр. — Да, не все кругло вышло у нас.

— Случилось что-нибудь?

— Коля-лейтенант погиб, — выдавил брат. — И Василий пока не вернулся…

Мальчишку, как кипятком ошпарило, сердце заныло…

— А может живы, — усомнился он. Так не хотелось верить, что нет в живых лейтенанта-москвича с улицы Горького.

— Я нес его. Он дышал еще. А Вася прикрывал нас. Потом… — Петр запнулся, голос дрогнул, — Коля умер. Ну, чего размокрился? — деланно суровым голосом прикрикнул брат. — Это тебе война, — и, обняв мальчика, повел его в землянку. — Не реви.

Успокоившись, Сережа попил горячего чаю с сухарями и тотчас заснул, сидя за столом. Он и во сне все плакал. Проснулся в слезах. Приснилось, будто немцы поймали отца и повели расстреливать. И будто отец его — лейтенант Коля…

Открыл глаза. За столом в той же позе сидел брат и что-то писал. В землянке было жарко и дымно. Коптилка из гильзы мигала. В углу дремал дежурный радист. На жестяной печке, которую смастерил «Василиса», монотонно свистел чайник.

— Петя, а наш отец в плен не может попасть?

Петр снял с Сергея сапоги, раздел и, не ответив на вопрос

брата, сказал:

— Ложись, спи.

Брат еще что-то долго писал, грыз карандаш, а Сережа лежал и никак не мог уснуть. Думал о Коле-лейтенанте. Где-то там, в Москве, его родные, и они не знают, что их сын, выполняя боевое задание, погиб. А может быть, им уже давно сообщили о том, что Коля пропал без вести. Вот она какая война…

…Три дня продолжались поиски Василия Панкова. Ходили разведчики в ближайшие деревни, спрашивали у жителей, прочесывали лес, подавали сигналы рожком из бересты, но все безрезультатно. Решили, что пропал без вести. Но однажды утром «Василиса» неожиданно появился. Идет по тропинке, улыбается. Жив-живехонек и невредим. Лицо красное. Из-под кубанки ручьями льется пот.

Первым встретил его Сережа, потому что вдали от землянки кормил белку Машку. Любила Машка сухари. Возьмет в лапы, сядет на сучке и грызет. Совсем не боится людей.

— Живой! Живой! — закричал Сережа.

— Чего кричишь? Если бы я был не живой, то как бы пришел? Идем, поможешь, — сказал Панков и, ухватив Сережу за рукав, повел вниз к реке.

На берегу стояло что-то непонятное на двух колесах и с двумя трубами. Которая поменьше — торчала кверху из круглой крышки, а другая — побольше, была направлена на противоположный берег.

— Это что, пушка какая или миномет?

— И то, и другое, и третье, — ответил «Василиса». — Незаменимое орудие. Верст двадцать тяну, руки до крови истер. — «Василиса» показал закопченные мозолистые большие руки. — Заряжен агрегат, потому и тяжелый. «Кашеметом» называется.

Сережа удивленно покачал головой и подошел поближе. Вдвоем выкатили «кашемет» на дорогу, поставили против землянки командира. Собрались партизаны. На радостях обнимают Василия. Все довольны возвращением партизанского повара. А герой дня заломил кубанку и балагурит:

— Принимайте, братцы, современную технику. «Василиса» подает в отставку!

Кто-то предложил Васе хлеба. Отказался:

— Я сыт по горло, братцы, — он стукнул ладонью по крышке агрегата, — тут еды полно. Ну и тяжела. Придется впрягаться дяде Грише.

А тем временем и сам великан вышел из землянки. В

полушубке, без шапки. Трет глаза спросонья, не поймет, по какому случаю шум?

— Это что еще за штукенция?

— «Кашемет»! — поспешил объяснить Сережа.

— Что за орудие?

— Орудие, как орудие. Бьет…

— Эх ты, Сергунька, а еще разведчик, — упрекнул «Василиса». — Я же пояснял, что это «кашемет». Вот сюда закладывается крупа, а вот отсюда вылетает каша. — Он направил трубу на Сережу и ударил по жести кулаком. Запахло гарью.

— Ну и что, кашей стреляет? — спросил Сережа, догадываясь, что Василий шутит.

— А то чем же? Размазней — трах!

— Ты мне толком объясни, — обиделся дядя Гриша. — Я, браток, во флоте был, сухопутную технику не знаю. Что это за пушка? Для дезинфекции, что ли?

— Я и говорю, — ответил Панков, — натуральный «кашемет». Пойдут немцы в атаку, а я их из «кашемета»… Особливо, когда «хайль» будут орать. Так рты и замажу. А бьет, чертяга, метко!

— Тогда кашу надо пересолить, — послышался голос комиссара, — а ты на это мастер. Пересоленой кашей если по немцам ударишь из «кашемета», считай — победил. Они завернут к реке пить воду, а Сергунька подойдет и под зад ногой… А плавают они плохо. Вот и утонут.

Возле походной кухни собрался почти весь отряд. Смеялись от души. Громче всех хохотал Сережа, когда узнал, что Вася прибуксовал обыкновенную немецкую походную кухню.

— Ха, ха, ха! Вот это «кашемет» так «кашемет»! Здорово!

Лишь дядя Гриша был серьезен. Он пробовал, насколько тяжела кухня. А вдруг и впрямь придется вместо тягача таскать ее?

— Нет, ничего, кухонька справная. В крайнем случае на себе можно дотянуть. Пойдет! — великан крякнул и только теперь улыбнулся.

Так и прозвали трофейную кухню «Василисиным кашеметом». Поваром был уже не Василий, а тетя Клава, жена местного лесника. Дом ее спалили немцы, а сам лесник погиб на фронте.

Дяде Грише было поручено буксировать кухню во время переходов. Великан не огорчался. Ему это, что Сереже санки тащить. А выгода прямая — сварит тетя Клава кашу, дяде Грише первый черпак.

Дремучие ели, укутанные снегом, издали похожи на

огромных часовых в белых маскировочных халатах. Сережа притаился на сучке, как взъерошенный воробей, и всматривается в мутную снежную даль. Он в дозоре.

Хорошо в дозоре летом: тепло, птички поют. А зимой на ветру долго ли просидишь? Пробирает до костей.

По времени должна скоро подойти смена. И когда с ветки слетела стайка красногрудых снегирей, издавая звук, похожий на судейский свисток, Сережа подумал, что идет кто-то из партизан. Но увидел незнакомого человека, который пробирался по глубокому снегу прямо в сторону Сережи.

«Кто бы это мог быть?» — подумал мальчик.

Сережа взял автомат на изготовку. Вскоре он увидел, что идет никто иной, как женщина. Это уже не так опасно, пусть подойдет ближе. Даже мелькнула мысль: «А вдруг это мама?» Вот она уже совсем близко. Хорошо видно без бинокля, что женщина маленькая ростом, в полушубке, на голове белый платок. Возле дерева остановилась, расстегнула полушубок.

— Фу, жарко, — сказала она.

Сережа спрыгнул с сучка, наставил автомат. Незнакомка с испугу села на снег, но, увидев мальчика, улыбнулась…

— Как ты напугал меня…

— Куда? — строго спросил Сережа.

Девушка посмотрела на него большими голубыми глазами и ответила, улыбаясь:

— А ты кто? Лесник?

— Это не твое дело. Куда идешь?

На морозе девушка разрумянилась и чем-то напоминала снегурочку. Сергей даже разозлился на себя за такие мысли. Он же на посту!

— Нечего по лесу шляться в такую погоду. Замерзнешь. Иди домой!

— А может я немецкая разведчица, ищу партизан!

Сережа шуток не принял, кашлянул для пущей важности, выпрямился, указал стволом автомата.

— Ну-ка, разведчица, марш со мной! Там разберутся.

— А вот и не пойду, — все улыбалась девушка. — Подумаешь, какая строгость.

«На кого же она похожа?» — напрягал память Сергей, но вспомнить так и не смог.

— Марш впереди меня, говорят тебе!

— Товарищ партизан, а как вас зовут?

— Не положено разговаривать. Иди!

— Ты, конечно же, самый главный разведчик? А я сразу не догадалась.

— А ты главная шпионка у немцев? Ишь, разговорилась…

— Дорогой товарищ начальник, может ты скажешь, где землянка командира? А я подарю тебе фонарик. Пригодится разведчику… У меня и рукавички есть, возьми.

— Иди, иди! Не разговаривай!

— Ну, так и быть, раз приглашаешь, пойду…

Когда проходили мимо кухни, дядя Гриша окликнул:

— Сергунька! Ты, никак, снегурочку под Новый год встретил?

Сергей буркнул что-то невнятное и не оглянулся.

В штабе не успел Сергей доложить командиру о том, что он задержал подозрительного человека, как незнакомка сняла варежки и, протягивая командиру руку, сказала:

— Здравствуйте, товарищ Андреев! Связная Лиля. Пришла по заданию секретаря подпольной партийной организации.

— Здравствуйте, Лиля! Слышал о вас. Как вы нашли нас?

Лиля посмотрела на Сережу, улыбнулась.

— Меня встретил ваш разведчик и очень любезно указал дорогу… — Девушка сняла платок, разделась. Сергей узнал ее. Это же Дуся — сестра учительницы.

— Он у нас мальчик обходительный, культурный, — сказал комиссар, не уловив в словах Лили легкой, добродушной иронии.

А Сергей густо покраснел и отвернулся.

— Ну, рассказывайте, с чем пришли, Лиля?

— Товарищ капитан! — Сергей шагнул к столу. — Врет она. Это не Лиля, а Дуся Борискова. Я знаю ее. Из нашего села.

Девушка рассмеялась, обняла за плечи Сергея и, глядя ему в глаза, сказала:

— Ну как же ты меня не узнал сразу — Борискову Дусю! А Лиля — это моя подпольная кличка. Ну ладно, иди погуляй, мне поговорить надо с командиром. Спасибо, что помог найти штаб. — И еще она шепнула: — Васе не говори пока, что я здесь.

Сергей со стыда готов был сквозь землю провалиться. Он выскочил из землянки, как из бани, вспотевший. Лицо и уши пылали огнем. Сзади послышались шаги. Обернулся — Дуся!

— Вот тебе фонарик, бери. А вот рукавички. Только не сердись.

— Не надо. Не заслужил, — ответил глухо Сергей и быстро пошел от землянки.

Он злился на себя. Все получилось как-то нескладно. Что теперь подумает командир? А партизаны узнают— засмеют. Партизанскую разведчицу не узнал, да еще из своего села…

— Сережа! — услышал он голос сзади, — не сердись, бери подарки, это мать прислала. — Она догнала Сергея и положила ему фонарик и рукавички в карман. — Ну чего ты расстроился?

— Подумаешь, и ничего я не расстроился… Я тебя сразу узнал. Ладно, некогда мне.

— А ты не хочешь спросить о матери?

— Хочу! — Сергей остановился.

— Жива и здорова, привет тебе шлет. Ну ладно, мы еще потолкуем. Командир меня ждет…

— И мне на пост пора, — повеселел Сережа.

Забравшись на сосну, он долго рассматривал рукавички, от которых пахло чем-то родным, домашним…

Ветер раскачивал дерево, отчего слегка кружилась голова. Стало Сереже как-то тепло, хорошо, как дома, когда за столом собиралась вся семья.

В февральскую метель партизаны покинули «Зеленый остров». Был получен приказ выйти на магистраль Москва — Минск и ударить по тылам немецких войск. Предстоял многодневный и опасный марш. Хорошо, что день и ночь бесилась вьюга, и гитлеровцы отсиживались в теплых хатах и блиндажах, иначе не миновать неравных стычек.

Шли днем и ночью. Останавливались лишь на несколько минут перекурить и перемотать сбившиеся в сапогах портянки. Даже есть приходилось на ходу. Мерзлый хлеб твердый, как кирпич, от холодного вареного мяса зубы ломит.

Ничто не изматывает так человека, как бессонные ночи. Веки, словно свинцовые, усталь валит с ног. Упади — не встанешь.

Сережа еще никогда так не уставал, как в этот марш.

Впереди него плелись, о чем-то беседуя, Дуся и Вася Громов.

«Надо же, встретились», — подумал Сережа.

И Дуся и Вася несут тяжелые мешки с патронами и гранатами. У Василия за спиной, как охотничье ружье, — ручной пулемет.

Сергей догнал их, дернул Дусю за рукав:

— Давай, понесу мешок.

— Что ты, не надо, — не соглашалась Дуся, — тебе и без мешка тяжело.

— Давай, мне для равновесия.

Девушка молча снимает мешок с плеча, отдает. Ей понятна мальчишеская гордость.

— Фу, я в самом деле уморилась, едва плетусь.

— Ты немного отстань, — шепчет Василий, — нам поговорить надо, понимаешь…

— Ладно, — понимающе соглашается Сергей и, перевалив через плечо связанные мешки, зашагал в большущих кирзовых сапогах впереди Дуси и Василия. Сапоги обледенели, гремят, как деревянные колодки, идти в них — сплошная мука.

Рассвет наступил незаметно. Сначала по сторонам все мутнело, потом стало светло.

Набесилась за ночь вьюга, улеглась.

Партизаны свернули с дороги, остановились на дневку. Вокруг поставили посты, вперед выслали дозоры.

Сергей уже дремал под елью, когда за лесом послышались взрывы, потом короткие автоматные очереди. Неожиданно в ельнике появился широкоплечий всадник на коне, потом еще и еще…

Сергей удивился: первым всадником оказался лейтенант Гаранин, вторым брат Петр.

— Операция проведена успешно! — окая, доложил лейтенант командиру отряда. — Состав взорван, путь разрушен и захвачен немецкий обоз.

Партизаны обступили сани, рассматривают лошадей, захваченное у врага оружие, удивляются: сколько всего притащили…

— Ну, братцы, — сказал командир, — теперь всем на конный транспорт и живее в путь. Задерживаться нельзя.

— По местам! — раздались голоса командиров партизанских подразделений.

Повезло и Сергею. Брат подвел рысака и кивнул, сдерживая улыбку:

— Хочешь? Садись! Будешь со мной в авангарде!

— Не обманываешь? — обрадовался мальчишка к неумело, но быстро взобрался в седло.

Еще никогда Сергей не сидел в настоящем седле. Очень удобно. До войны приходилось купать колхозных лошадей, но тогда седло заменяла кепка и стремян не было. А тут и кожаная уздечка, и блестящие стремена, и хрустящая кожа седла… Конь гарцует на тонких ногах. Здорово!

Получив боевую задачу, разведчики поскакали впереди отряда. Сережа не отставал от брата. Конь летит, как птица. Сережа сияет от удовольствия. Хочется ему, чтобы все обратили внимание, как ловко он управляет конем.

В лицо бьет снег, обжигает тугой ветер, но мальчишке в обрезанной шубенке, перетянутой пулеметной лентой, не холодно.

Только теперь Сергею стало ясно, почему отряд вышел так внезапно по тревоге и почему лейтенант Доронин пропадал почти неделю. Оказывается, он изучал район расположения гитлеровских тылов: где и как лучше нападать, куда потом уходить. Это не просто партизанский рейд, а заранее спланированная боевая операция.

«Хорошо закончилось», — думает Сергей.

Но закончилось ли?

В мелколесье возле перекрестка дорог Петр резко осадил коня, подал знак рукой: стой! С обеих сторон двигались немецкие обозы. В каждых санях по одному немцу. Солдаты укутаны чем попало: одеялами, шалями, мешками.

«Ну, сейчас начнется», — решил Сергей и взял автомат на изготовку.

— Сергей со мной, остальным обойти обоз! — приказал Петр. — Сигнал атаки — взрыв гранаты.

Оставив братишку в засаде, Петр выехал навстречу идущим впереди обоза двум немецким автоматчикам. Они и не подозревали, что к ним подъезжает в форме немецкого офицера партизан.

Петр был уже близко, он что-то крикнул и бросил гранату. Раздался взрыв. Конь под Сергеем дал свечу и захрапел. Потом еще два взрыва — и лес наполнился шумом боя.

— Стреляй! Стреляй! — кричал Петр.

Сергей дал очередь из автомата, но конь под ним шарахнулся в сугроб и всадник, перевернувшись раза два в воздухе, шлепнулся головой в мягкий снег.

Лошадь, отбежав к дереву, остановилась. Сергей с трудом выкарабкался из сугроба и лежа открыл огонь. Рядом стрелял брат. Он прицеливался не торопясь, и после каждого выстрела радостно вскрикивал: «готов!»

В немецком обозе полная растерянность. Кони сгрудились. Фашисты мечутся от саней к саням, что-то кричат. Одни с поднятыми руками стоят на месте, другие в панике бегут к лесу, бросив оружие. Потом послышалось «ура». Это два Василия: Громов и Панков, обнажив клинки, врезались в голову обоза.

Сергей видел, как сверкали клинки, слышал крики людей, ржание лошадей… Все перемешалось и не поймешь, где свои, а где противник.

Гитлеровские обозники были уже почти разбиты, как вдруг на дороге появились немецкие бронемашины. Застучали пулеметы.

— Сережка! Быстрей к командиру!..

Петр уткнулся в снег лицом и приглушенным голосом сказал:

— Скажи, помощь нужна…

— Петя! — испугался Сергей. — Петя!

— Срочно, — захлебываясь кровью, проговорил брат.

Оттого, что очень торопился, Сергей с трудом забрался в седло и понесся вскачь. А сзади все гудел и ухал лес.

Вот, наконец, и главные силы отряда.

— Что там у вас случилось? — спросил командир. — Почему

такая пальба?

Еле выговаривая слова, Сережа доложил о бое на перекрестке дороги, и командир тут же выслал подкрепление.

Пулеметчики вскочили в сани и на полном галопе — туда, где товарищи ведут неравный бой, истекая кровью.

Хотел и Сергей возвратиться к брату, но хватился, а коня нет. Кто-то ускакал на нем, когда Сережа докладывал командиру о бое. Сергей чуть не заплакал с досады, выбежал на просеку, но его помощь была уже не нужна. Вдали показались два всадника на одном коне. Дуся везла на Сережиной лошади раненого Петра. Он сидел впереди в разорванной немецкой куртке и его побледневшие губы что-то шептали, руки беспомощно висели….

— Больно, Петя? — подбежал Сережа. — Больно, а?

— А, Сержик… — Петр пошатнулся и стал сползать с коня.

Сергей поддержал его.

— Ребята, помогите ему, а я туда… — сказала Дуся. — Пить дай ему.

Отнесли Петра под лапчатую высокую ель, положили на сломанные ветки, укрыли тулупом. Он дышал часто, глотая открытым ртом морозный воздух. Потом, не открывая глаз, еле слышно спросил:

— Жив он? Нет, напрасно, Вася… Куда бросился…

Вскоре на дороге показались розвальни, а рядом с ними Дуся и дядя Гриша-великан. Привезли убитого «Василису». Он лежал на соломе вверх лицом. Руки скрещены на широкой груди, увешанной пулеметными лентами, губы стиснуты, лицо строгое.

Рядом с ним без кубанки лежал раненый Василий Громов. Ветер трепал его русые кудри. Он крутил головой и то и дело произносил лишь два слова: «Дуся, жарко…».

Дуся, прижав белую кубанку Василия к губам, не отходила от саней и плакала.

Сережа смотрел то на мертвого Панкова, то на раненого Громова, которого хорошо знал до войны, и тяжелая смертельная тоска давила грудь.

— Сергей, — тихо сказал дядя Гриша, — Петр зовет.

Возле брата стоял на коленях комиссар отряда. У ног горел маленький костер. В руках комиссара спички и пучок соломы.

— Все, — тихо сказал Демьяныч и снял шапку.

— Петя! Петька! Не хочу! — закричал Сергей. — Как же мама? Петя?!

Мальчишку трясло, нечем было дышать, слезы застилали глаза. Он смотрел на брата и не мог поверить, что его нет, что он уже никогда не встанет, не заговорит… Мальчишке казалось это невозможным, невероятным, необъяснимым.

— Товарищ комиссар, — послышался голос дяди Гриши, — Василий Громов тоже скончался.

Сережа вдруг бросился бежать. Он бежал, не зная куда, сквозь кусты, меж высоких деревьев, бежал от ужасов смерти, от неутешного горя, от своего бессилия и отчаяния.

Дуся догнала его, когда уже стемнело.

— Сережа, поверь, мне так же тяжело, как и тебе, — сказала она, обняв парнишку за плечи. — Но разве этим поможешь? Да будь они прокляты, эти фашисты-гады! Но кто же, как не мы, должны отомстить за брата и двух Васей!

…Хоронили партизан далеко от того места, где был бой. Произносили короткие прощальные речи, давали клятву отомстить, никогда не забывать, быть такими, как они — павшие смертью героя, но Сережа не слышал ни слова, не видел людей…

Когда раздался прощальный салют, он не вздрогнул. С осунувшимся, повзрослевшим лицом, крепко сжав скулы, сухими, исстрадавшимися глазами смотрел, как засыпали могилу его брата и обоих Василиев.

Поставили деревянные памятники с надписью: «Они вечно с нами, как призыв к верности, мужеству и отваге». И лишь когда все разошлись, он упал на свежий холмик сырой земли и заплакал навзрыд горько и безутешно. Чьи-то сильные руки подняли мальчика и положили в сани на раскинутую шубу. Рядом лег Николай Демьянович, прижал мокрое лицо Сергея к колючим прокуренным усам, поцеловал и стал говорить тихим ласковым шепотом:

— Тяжело, брат, ох, как тяжело! Такие замечательные ребята!.. Ведь только в жизнь вступили. Еще ничего и не видели. Им бы жить да жить!.. Одно утешение — погибли в бою… Жизнь свою юную не даром отдали. Умерли, как герои… Ты, Сереженька, не думай о них, как о мертвых, думай, как о живых. Они с тобой рядом, они в твоем сердце, в твоей голове… Так легче горе пережить. И так вернее… память о них сохранить… Я Петра как сына родного любил… Ведь нет у меня уже семьи. Я никому не рассказывал, как после бомбежки похоронил сына, дочку-малютку и жену… Думал, не переживу… А вот видишь, воюю… Не у нас одних горе. Многие, многие теряют сейчас близких, родных… И от нас с тобой, мужчин, ждут не отчаяния. Оно не поможет. Чтобы горя меньше было, надо крепче бить фашистов, быстрее гнать их с родной земли.

Сережа, изредка всхлипывая, слушал комиссара, но думал все время о брате, о доме, о том, как горько будет плакать мама, когда узнает о гибели Петра. Вспоминались картины детства, мирной жизни, которая казалась теперь такой далекой, будто с

начала войны прошел не год, а десять лет, не меньше…

Какое это было счастливое время! Они вместе с Петром ходили на охоту, и брат давал Сережке пострелять; прыгали с моста в речку — Петр учил нырять и плавать, учил терпеливо, долго; ловили рыбу бреднем; ходили в лес, собирали грибы, ягоды, и Петр всегда говорил маме, что Сережка набрал больше и ему полагается львиная доля… Перед глазами стояло лицо брата, то серьезное и строгое, то веселое или насмешливое, но неизменно заботливое к нему, Сережке, младшему брату. А теперь Петра нет и не будет! И Сережка опять заливался слезами. Комиссар что-то говорил еще, но Сережа его не слышал, он только чувствовал мужскую руку, которая гладила его по плечам.

Сани поравнялись с Лилей. Она шла медленно, опустив голову.

— Садись, Лилечка! У нас есть место, — крикнул комиссар и спрыгнул с саней.

Лиля упала на сани, привалилась к Сережке и заплакала.

— Не плачь, — строго сказал Сергей. — Вон у комиссара вся семья погибла! — и вытер рукавом слезы.

Сережа Корнилов.

В отряд привели старичка невысокого роста, с жиденькой бородкой, в шубенке, в лаптях, на голове заячья шапка.

— Подайте мне командира, — потребовал старичок. — У

меня сообщение особое…

Привели его к командиру.

— Скажу только одному, — предупредил гость.

— Это комиссар отряда, — ответил капитан, — можно говорить.

— Ну, тогда… А этот мальчонка?

— Надежный. В комсомол скоро будем принимать, — объяснил командир отряда.

— Тогда другое дело, — старик снял шапку. — Так вот…

Старик рассказал, что в селе уже давно стоит отряд карателей. Солдаты разместились в школе. На вооружении у них семь броневиков и танк. Охраняет машины ночью только один часовой. Смена поста через час.

— Дрыхнут крепко. Напьются с вечера шнапсу да самогонки и дрыхнут… — закончил старикашка.

— Спасибо, отец, — поблагодарил командир, — но не узнают ли немцы, что ты был у нас?

— Мил человек, а я не собираюсь в село возвращаться. Тут останусь. У меня пять сыновей на фронте.

— А стрелять умеешь? — поинтересовался Демьяныч. — А то…

— Я в русско-японскую воевал, а потом германцев бил… Три георгиевских креста имею… — расхвастался дед. — Или не примете?

Приняли деда в партизанский отряд. Оружие выдали. А по данным, которые он сообщил командованию, была назначена на следующую ночь боевая вылазка. Возглавил ее сам комиссар Демьяныч.

…К деревне вышли за полночь. На темно-синем небе ярко светила луна и горели звезды. Трое были в маскировочных халатах. Только длинные тени выдавали движение.

Сергей и Николай подкрались к сараю, замерли. Демьяныч пополз к углу школы.

Похожие на черные гробы броневики стояли вплотную друг к другу. Часовой, обхватив автомат, медленно ходил взад-вперед возле машин. Он в тулупе, ворот поднят и головы не видно.

— Его, черта, ломиком не свалишь… — шепчет Николай.

— Ножом не пробьешь… — отвечает тоже шепотом Сережа.

— Ножом не пробьешь… — соглашается Николай.

Сердце у Сережи стучит часто и громко, и ему кажется, что часовой может услышать его удары.

По углу школы скользнула тень и слилась с силуэтом бронемашин. Это Демьяныч подкрался вплотную и ждет, когда сделают свое дело Николай и Сергей.

— Пора, — шепчет Николай.

Часовой идет прямо к сараю, где лежат у стены ребята. Вот он остановился, постоял, пошел в обратную сторону. Ровно двенадцать шагов сделает гитлеровец, потом повернется. За это время Николай должен успеть подскочить к крайнему броневику, притаиться и ждать, когда часовой повернется.

Отчаянный человек этот Николай — снял смерзшиеся валенки… чтобы не стучали.

Прыжок, еще прыжок и он уже возле броневика. Сереже не видно Николая. Но на всякий случай Сергей взвел автомат, прицелился в часового, держит на мушке.

Вдруг послышался гулкий удар. Часовой крякнул и повалился. Еще удар, еще…

Сережа, нагруженный тяжелой связкой гранат и взрывчатки, держа под мышкой валенки Николая, подбегает к броневику и видит Демьяныча.

— Спокойно! — хрипло говорит комиссар. — Привязывай вот здесь. — Демьяныч указывает место возле мотора, ближе к кабине, где нужно приладить гранаты.

Николай уже в тулупе часового ходит под стенами школы. Из-под длинного тулупа виднеются ноги в черных носках.

— Брось ему валенки, — шепчет Демьяныч, проворно привязывая к танку взрывчатку.

Вот между машинами уже натянута тонкая проволока.

— Осторожно, — предупреждает Демьяныч.

Сережа знает, что дотрагиваться до нее нельзя: произойдет взрыв.

«Мало взрывчатки и гранат, — сожалеет Сережа — швырнуть бы в окно…»

— А может я из автомата по окнам? — предлагает Сергей.

— Ни-ни… Нам уйти надо спокойно, — предупреждает Демьяныч и машет Николаю, чтобы тот покидал пост.

Несколько больших шагов — и все за сараем.

— Ну, ребятки, — радостно говорит Демьяныч, — нам повезло. Теперь…

Не успел договорить комиссар, как из-за сарая вышел гитлеровец. На мгновение он опешил, увидев людей в белых халатах, но потом судорожно стал отстегивать кобуру.

Словно рысь, бросился к нему Сергей и выстрелил в упор из автомата.

— К лесу! — крикнул комиссар. — К лесу!

Когда партизаны уже миновали занесенные снегом огороды и подбегали к кустарнику, раздался взрыв, еще и еще…

Сережа обернулся. Возле школы блеснуло пламя, а потом

подряд еще два взрыва. Партизанские приспособления сработали!

И все было бы хорошо, если бы вдруг с окраины села не застрочили автоматы.

— Ребята! — громко крикнул Демьяныч. — Бегите правее. Я — влево. Нужно создать видимость, что нас много, побоятся преследовать ночью.

— А может все вместе? — растерянно спросил Сергей, догадавшись, что комиссар хочет отвлечь огонь на себя.

— Нет! — резко сказал комиссар. — Приказываю!

Он побежал к скирдам, то падая, то поднимаясь.

Николай и Сергей, миновав кустарник, оказались на открытой поляне. А от крайних домов, поливая из автоматов, бежали немцы.

Но тут из-за скирд послышалась ответная стрельба, часть гитлеровцев отделилась и, укрывшись за домами, взяла под обстрел скирды.

— Беги, я прикрою тебя! — крикнул Николай.

— Вместе будем! — ответил Сергей и выпустил очередь по фашистам.

Ближайшие солдаты залегли. Началась перестрелка.

— Беги! — кричит Николай. — Беги, говорят!

— Вот еще! — упрямится Сергей. Короткой очередью он срезал выскочившего из-за сарая офицера. Тот выронил пистолет, перегнулся на мостик и упал.

На мгновение у гитлеровцев замешательство. Николай снял шубу и повесил ее на сломанную ветку.

— Ну, а теперь не отставай! — крикнул он и кинулся в глубь леса. Сережа за ним.

Приблизившись к кустарнику, немцы увидели шубу и взяли ее под обстрел, думая, что это партизан притаился за кустом.

А в той стороне, где были скирды, вдруг стрельба прекратилась. «Жив ли Демьяныч?» — забеспокоились ребята.

— Нам нужно выбраться на дорогу, чтобы запутать следы, — сказал Николай.

Вышли к деревне Крапивне. Скоро рассвет. Дальше идти опасно. Хаты, заваленные снегом до самых крыш, как забытые на лугу копны, не подавали признаков жизни.

Возле одной из них приютился покосившийся сарай. Сережа первым юркнул в раскрытые ворота и поманил Николая:

— Иди, солома есть.

Солома старая, припахивает прелыми яблоками, но до чего же хорошо зарыться в нее хотя бы на час, отдохнуть. Уже вторая боевая ночь, тревожная и бессонная. Только разве уснешь, когда неизвестно, что с Демьянычем…

Где-то очень далеко, будто огромной кувалдой, ударили о мерзлую землю: ух! И все стихло. Может быть, это тоже партизанские «дела»…

В приоткрытые ворота видно небо. Луна уже скрылась за гребенку леса и звезды ярко мерцают золотистыми огнями. Кажется, что там, где горят звезды, дует огромной силы ветер, потому и мигают звезды, как разбросанные по лугу угольки.

— Пить хочется, — сказал Николай, — а снегом не напьешься.

— А мне бы кусочек хлеба, в животе будто курлычет кто-то… — Сергей вздохнул. — Или кусочек сала с ломтем черного хлеба. Есть охота, ужас…

За сараем звякнула щеколда, заскрипел снег под ногами. Николай вытащил из кармана гранату, приподнялся, замер в ожидании. Сергей оттянул затвор автомата.

— Кто тут? — послышался настороженный женский голос.

В дверях показалась укутанная в платок женщина. Горохов ответил:

— Мы здесь, мамаша, «охотники» за волками… Или ты партизан высматриваешь, иди сообщи!

— Что ты, сынок? — обидчиво ответила хозяйка, — у меня муж на фронте, сын погиб, да и сама-то я, чай, не какая-нибудь…

— А зачем же пришла? — спросил Николай.

— Выдала, как вы бежали. Один из вас раздетый, вот и принесла ватничек. В дом позвала бы, да боязно.

— Вот за это спасибо, мамаша. Зовут-то вас как? — поинтересовался Сергей.

— Тетя Нюра. До войны в газетах писали про меня. Доярка я. А теперь даже теленка в деревне нет.

— Тетя Нюра, а не опасно у вас? — спросил он.

— Нынче всюду опасно. Вы только лежите тихо, — ответила она.

— Пить охота, водицы бы… — попросил Николай.

— Сейчас, родной, сейчас принесу.

Вскоре тетя Нюра возвратилась.

— Небось голодные? Вот чугунок картошки… Поешьте.

— У вас в деревне нет немцев-то? — спросил Николай. — Видать, тихо живете?

— Уж чего там «тихо», — возразила женщина. — Намедни деревенские мальчишки привязали мину к офицерской собаке и пустили. А пес-то здоровенный, как влетит в дом, да как бросится к хозяину, а мина и бабахнула… Соседского мальчонку до смерти запороли.

— Молодцы мальчишки! — похвалил Сережа. — Это по-

нашему!

— По-вашему, а мальчонки-то нет. Помер.

Тетя Нюра плотно прикрыла дверь в сарай и метлой замела следы.

«Кто знает, может и здесь „невидимки“ действуют?»— подумал Сергей.

Весь день партизаны просидели в сарае. А следующей ночью благополучно добрались до своей базы.

— Ты что же, Сергей, Демьяныча не уберег? — пробасил дядя Гриша, развешивая на сучьях мокрую одежду комиссара. У Сережи сердце замерло. «Неужели?..» — Раненый пришел. Пуля, чертова, плечо перебила…

— Ну, напугал ты меня, — сказал Сергей и заулыбался.

В землянке на своей соломенной подушке Сергей нашел записку:

«Ухожу в штаб бригады. Путь далекий, может, не скоро увидимся. Если встречу где-нибудь мать, передам от тебя привет. А пока прощай. Лиля».

Зима подходила к концу. Потемневший ноздреватый снег заметно оседал. Рыжели проселочные дороги, вислокрылые темно-зеленые ели украсились остропикими сосульками, запахло весной. А на фронте, как и прежде, идут жаркие бои. По ночам доносится гул артиллерии, днем летят на запад самолеты.

Советская Армия — гонит врага. Каждый день комиссар сообщает радостные вести. Уже многие города и села освобождены от немецких захватчиков.

Бойцы слушают Демьяныча, и их суровые, обожженные морозом лица расплываются в улыбке. Ничего не скажешь, новости самые утешительные. Но партизанам не легче. Вот уже свыше трех недель отряд капитана Андреева ведет кровопролитные бои с отборными гитлеровскими частями. Немцы бросили против народных мстителей целое соединение с танками и пушками.

«Если не разделаться с этими русскими „невидимками“, — говорилось в одном из захваченных в бою приказов командующего немецкой армией, — то они вместе с советскими войсками — и нас уничтожат. Надо до весны покончить с партизанами».

Приняв на себя главный удар врага, партизанский отряд имени Щорса оказался в окружении. Но и отрезанные от сел и деревень, которые снабжали партизан продовольствием, бойцы капитана Андреева оборонялись героически. Однако вражеское кольцо с каждым днем сжималось, а силы отряда слабели.

Боеприпасов оставалось мало, продовольствие кончилось.

Положение создалось отчаянное. Никакие усилия вырваться из окружения не приносили успеха. Дядя Гриша с группой партизан хотел пробиться в ближайшую деревушку за продуктами и три раза водил бойцов в рукопашную схватку. Ловко орудуя длинной жердью, он уничтожил несколько фашистов, но вражеская пуля сильнее дубины.

Фашисты, не щадя и своих солдат, открыли огонь прямой наводкой. Немало уничтожили немцев. Но и партизанский великан был смертельно ранен. Тогда отважный, прославившийся во многих боях лейтенант Гаранин со своим взводом сделал новую попытку вырваться из кольца. Гитлеровцы бросили против горстки партизан шесть танков и гаранинцы оказались отрезанными от главных сил своего отряда.

Лейтенант, израсходовавший все патроны, был схвачен немцами, но живым не сдался. Он вырвал у гитлеровца штык, заколол двоих фашистов, а потом вонзил штык себе в сердце.

Как и взрослые, все трудности партизанской жизни мужественно переносил Сережа. Но мальчишка окончательно ослаб, в глазах темнело, ноги подкашивались и очень хотелось спать.

Под вечер бой затих. Наблюдатели сообщили, что фашисты подтягивают кавалерийскую часть, производят перегруппировку. Нужно ожидать новую атаку гитлеровцев.

— Коммунисты и комсомольцы, к командиру! — послышалась команда.

— Идем, Сергунька, — сказал комиссар, — потолкуем, что и как.

Под ветвями гигантской сосны собралось человек двадцать пять. Лица заросшие, глаза лихорадочно блестят.

Андреев встал, обвел взглядом присутствующих и коротко спросил:

— Ваше мнение, товарищи?

— Будем биться до последнего патрона! — твердо сказал Николай Горохов.

— Не сдаваться же гадам, — поддержали его другие.

— Я предлагаю собрать все силы в один кулак и на узком фронте ночью в рукопашную… — произнес комиссар. — Умереть мы всегда успеем…

И вдруг поднялся маленький старик в заячьей шапке, тот самый, который в отряд пришел совсем недавно, и сказал:

— Я вот что скажу, товарищи дорогие, мальчонку надо спасти. Ему жить да жить. А как спасти, пущай сам думает, может того… к ним пойдет?

К старичку подошел комиссар.

— Нет, дед Архип, Сергунька в плен не пойдет. За его голову немецкое командование железный крест обещает. Не дело говоришь, дед. — Комиссар задумался, потер виски и положил на плечо парнишки руку. — Вот что… Надо зарыть его в снег, а самим отходить к западной группе отряда. Там мы и ударим в штыки… Тем самым мы отсюда отвлечем немцев. Преследуя нас, гитлеровцы уйдут с того места, где мы зароем Сергуньку. Ночью, когда все стихнет, он встанет…

Сергей вскочил:

— Верно! Я проберусь к советским войскам, и они выручат вас…

— Хорошо сказку говоришь, да как получится? — прошамкал дед. Он снял заячью шапку и бросил Сергею прямо в руки. — Пригодится, возьми.

Сергей отказывался, но Николай Горохов толкнул в бок:

— Бери, под снегом не жарко.

— Товарищи коммунисты и комсомольцы, — обратился вдруг комиссар к собравшимся. Лицо его приняло неожиданно торжественное выражение, — вношу предложение принять Сергея в члены ВЛКСМ. Пусть на это ответственное задание пойдет он, как комсомолец. Кто за?

Взметнулись вверх руки.

Сергей не ожидал этого. Он растерянно огляделся, потом встал по стойке «смирно» и прижал к ноге трофейную винтовку:

— Обещаю… В общем, ваш приказ выполню! — сказал он срывающимся от волнения голосом.

Дальше говорили о плане действия отряда, но Сергей не слушал, он уже думал о задании, как лучше выйти к своим… «Эх, жаль, так Петр и не увидел, как меня приняли в комсомол…»

— Ну как, не струсишь? — перебил его размышления капитан.

— Не маленький, — сурово сжав губы, ответил Сергей.

Выбрали место поближе к дороге. В углублении сделали из веток постель, а когда Сергей лег, его укрыли белым маскировочным халатом и засыпали снегом.

— Тут вот щелка есть, поглядывай, — сказал комиссар. — Когда все затихнет, вставай и по компасу — на восток. Ты слышишь?

— Слышу! — Сергей глянул в щель и увидел серую повязку, на которой Демьяныч носит свою раненую руку.

— Не усни! А повстречаешь наших, пусть не мешкают!

— Есть! — ответил Сергей. — Все будет сделано!

— До встречи! — попрощался командир.

— До скорой встречи! — послышалось из-под снега.

Наступила тишина, и Сережа почувствовал тоскливое одиночество. Ориентировку во времени он потерял сразу же, как только остался один. То казалось, что уже прошло не меньше часа, то как будто вот-вот заглохли тяжелые шаги комиссара и не прошло и пяти минут.

Во скольких боях приходилось бывать и не робел, а под снегом показалось страшно.

Ноги стали мерзнуть сразу же. Спохватился, что не переобулся, не сменил сырые портянки, но теперь уже поздно. Потом возле лица подтаяло и за ворот покатились ледяные капли воды. Пошевелиться — свалишь маскировку.

Незаметно холод стал пробираться под шубенку. Лишь заячья шапка грела хорошо и голова не мерзла, а вот ноги…

Сережа и пальцами шевелил, и приловчился ногами постукивать, не согревает. Потом почувствовал покалывание в ступнях и нестерпимую ломоту в коленях: «Может, встать?»

Сначала в тишине даже было слышно, как синичка попискивает, а потом вдруг где-то совсем близко застрочил автомат, потом стрельба послышалась чуть дальше, потом еще дальше. Кто-то пробежал рядом, чуть не наступив на голову. Затем на мгновение все стихло.

Неожиданно рядом заржала лошадь тонким и протяжным голосом, будто засмеялась. Затем лошадь, фыркая, всхрапывала, а всадник громко сморкался. Лошадиный топот был так близко, что Сережа забеспокоился, как бы всадник не наехал на него. Но все обошлось благополучно. Топот стал удаляться.

Сережа слышал чужую речь, хруст прихваченного морозцем снега. Немцы говорили мало, отрывисто. Видимо, разведчики. Скажут слово — молчат, потом еще несколько слов — опять молчат.

Над самым ухом немец смачно чавкал, скреб ложкой в котелке. У Сергея заурчало в животе. Это очень напугало его. Вдруг услышат… Со страху колотила мелкая дрожь.

Когда конский топот затих, кто-то недалеко стал кашлять и закурил махорку. Терпкий запах проникал даже через снег.

«Кто это? — думал Сергей. — Если враг, почему один, если свои, то зачем здесь, где только что были немцы?» Запах махорки стоял очень долго. Хотя все смолкло, Сергей решил пока не двигаться. В маленькое отверстие перед левым глазом было видно лишь кусочек неба и сучок сосны. Звезды еще не загорелись, но небо уже посинело, и белое, разорванное в клочья облако, как стайка голубей, парило над лесом.

Стрельба все удалялась и удалялась. Потом стали слышны

лишь взрывы гранат и далекий стук пулеметов. Над головой кто-то осторожно прошуршал, и хрустнула ветка.

«Кто это? Не следят ли за мной?» — подумал Сергей и тотчас увидал на сучке серенькую белочку. Ее круглый глаз смотрел прямо в отверстие, через которое наблюдал Сергей. Пушистый хвост лежал на спине.

Если уж белка спокойно сидит так низко на сучке, значит, по близости никого нет.

— Дорогая ты моя разведчица, — тихо сказал он и смело встал.

Белка сначала удивилась, увидев внезапно появившегося человека, потом бросилась на ствол сосны и мгновенно оказалась на верхушке дерева. Смотрит оттуда, не поймет, что за чудо, как мог снежный холмик превратиться в человека?

На снегу рядом с тем местом, где была постель, лежал размоченный окурок. Стало ясно, почему так сильно пахло махоркой.

Дорога была каждая минута. Сергей шагнул и… упал. Ноги, как деревянные. Он встал, хотел, не обращая внимания на боль, двигаться, но сил не хватило, опять упал.

«Обморозил ноги», — мелькнула догадка. Но идти надо. От него зависит жизнь многих людей. Они ждут помощи.

Сергей пополз. Со злости даже заплакал. Ни руки, ни ноги не слушались. Полз медленно и долго. От движения немного согрелся и почувствовал, что ноги в суставах уже сгибаются. Встал, сделал несколько шагов, но снова упал. На этот раз уже не от боли, а оттого, что закружилась голова. Сердце билось часто, земля качалась, как люлька.

Уцепившись за куст, он стал подниматься и нащупал рукой мерзлую рябину. Ягод оказалось мало — всего лишь горстка, но от них стало как-то теплее, вроде сил прибавилось.

«Вот кончится война, целое ведро наберу этих ягод и съем за один раз», — подумал Сережа. Уж очень вкусной показалась горьковатая мерзлая рябина.

И все-таки идти было невозможно. Ноги не держали, не слушались, подламывались.

— Ну еще, до дерева хотя бы! Еще!

Так, переползая от дерева к дереву, он добрался, наконец, до опушки леса. Внизу должна быть дорога. Днем здесь шел бой. Сергей свернулся клубком и покатился…

Катился до самой дороги. Потом лежал, ждал, когда перестанет кружиться голова. И тут пришла мысль: сбросить смерзшиеся сапоги и забинтовать ноги маскировочным халатом. Ноги оттер суконной рукавицей, крепко замотал их, почувствовал

облегчение. Трудно, больно, но < идти все же можно.

Настороженно тронулся по дороге. По ней двигаться гораздо легче, чем по заснеженной целине. Ночь темная, беззвездная. Небо заволокло. Падает мокрый снег.

Где-то впереди то и дело вспыхивало красное зарево. Это очень далеко стреляли пушки. Даже не слышно было выстрелов.

Вдруг блеснул огонек, раздался какой-то стук. Сергей, как заяц, прыгнул в снег, притаился. И — радость! Русская, родная речь! Лыжники.

— Товарищи! — закричал он громко. — Товарищи!

Лыжники остановились. Двое подошли поближе.

— Кто тут?

— Товарищи! Наши! Я партизан… Из отряда я…

Собрав последние силы, Сергей встал, бросился к бойцу.

— Товарищи! Наших окружили немцы, выручать надо.

Темной мартовской ночью 1942 года Советская Армия нанесла сокрушительный удар по немецким войскам на Московском и Калининском направлениях и прорвала железное кольцо, внутри которого сражались до последнего патрона партизаны. Многие из них влились в состав войск фронта и продолжали освобождение родной земли от немецких захватчиков.

Старики, женщины и дети возвращались домой.

Сергей был отправлен в московский госпиталь.

За окном в госпитальном саду цвела черемуха. Сергей сидел за столом, сочинял письмо матери. Вдруг он услышал по радио свою фамилию: «За подвиг в борьбе с гитлеровцами наградить орденом Красного Знамени…»

— Видал, твоего однофамильца наградили, — кто-то сказал, проходя мимо.

А на следующий день в госпиталь приехал бывший командир отряда Андреев. Он уже майор.

— Собирайся, поедем в Кремль.

В госпитале так и ахнули: веснушчатый плясун Сережка — и вдруг орденом награжден. За что?

Много награжденных было в Георгиевском зале. И генералы, и офицеры, и солдаты, но парнишка лишь один.

Ордена вручал сам Михаил Иванович Калинин.

Когда Сергей услышал свою фамилию, то немного растерялся, сердце замерло, хочет идти, а ноги от пола оторвать не может. Как в железных сапогах на магнит наступил. Но потом ободрился, заулыбался и подошел к Михаилу Ивановичу.

— А, вот ты какой, «Подснежник»? — ласково сказал Михаил

Иванович. — Слыхал про тебя. Поздравляю с наградой. — И, прикрепляя орден, произнес тихо, чтобы не слышали другие: — За подвиг спасибо. Теперь главное — учиться. Понял? Учиться!

— Понял, — едва выдавил растерявшийся орденоносец.

Люди аплодировали, улыбались, что-то говорили ему, но у Сергея от счастья кружилась голова и он ничего не слышал, никого не видел. Лишь когда сел на свое место, увидел Лилю. Михаил Иванович вручал ей орден Красной Звезды.

Поговорить с ней так и не удалось. Народу было так много, что Сергей не нашел ее в толпе.

— Ну, Сергей, дорогой ты мой Подснежник, — сказал майор Андреев, когда вышли из Кремля на Красную площадь, — я очень тороплюсь. На фронт еду. Прощай.

Сергей только теперь увидел на кителе майора орден Ленина.

В госпитале парнишку обнимали, поздравляли, бесконечно расспрашивали, за что награда? Сергей отвечал всем одинаково: «За борьбу с фашизмом!»

…Через несколько дней Сергей уже стоял на пепелище своего родного дома. Рядом, как могильный холм, крыша землянки, торчит труба из трофейных гильз. Серая, как рябчик, курица клюет что-то в немецкой каске. Кругом ни души. Все в поле. Солнце печет. Во всей деревне не уцелел ни один дом. Люди настроили землянки, курятники, сарайчики.

Зашел юный воин в землянку и удивился: братишка, который до войны не мог самостоятельно на печку забраться, сидит за столом и чистит картошку.

— Витька! Это ты?

— А ты кто?

— Брат твой, Сергей!

— Ты насовсем пришел? — спросил братишка.

— Насовсем! Ну, здорово, браток! — и Сергей обнял Витю.

— Здравствуй! Теперь надо три картошки чистить.

— А почему три? — удивился Сергей.

— Мама сказала варить каждому только по одной…

Развязал Сережа солдатский вещевой мешок, достал буханку хлеба, консервы, колбасу, сахар, положил все это на стол.

— Сухой паек, — пояснил он брату. — Давай-ка нож.

Еще некогда Витька не ел такого вкусного, настоящего хлеба. Там, где огнем прокатилась война, дети долго не знали, что такое хлеб, а взрослые забыли его вкус.

Ел братишка торопливо, будто боялся, что у него отнимут, а у Сергея слезы на глазах.

Открылась дверь, и яркий свет весеннего солнца обласкал дорогие детскому сердцу вещи: сундучок, портрет Ленина в

деревянной рамочке, одеяло из лоскутков, чугунки…

На пороге появилась мать. Седая, постаревшая, морщинистая, в слезах, но с той неизменной доброй улыбкой, которая много раз снилась Сереже.

— Сыночек!..

Прижался к материнской груди мальчишка в солдатской гимнастерке и заплакал. Слезы горячие, неудержимые. Хочется высказать матери все: и радость, что встретились, и кипящую в сердце ненависть к врагу, и утешить ее горе, рассказать о старшем брате, о себе, но сдавило горло, говорить трудно.

— А Петя наш…

— Знаю, сынок, знаю… — мать села на сундук. — Надолго ли? — спросила она.

— Ты уж не ругай меня, мама, я пойду туда, где отец. На фронт пойду. Бить их, гадов, надо, бить!

Посмотрела мать на боевой орден сына, рукой погладила.

— А видать, ты за Петю отомстил?

— Отомстил, мама, да еще как…

— Ну и будет, оставайся дома. Отец-то на войне, будет с нас, мы не в долгу перед народом.

— Не могу. Война не кончилась.

— Ох, Сережа, не знаю, что и сказать тебе, — вздохнула мать. — Годков тебе мало, а по делам-то ты уже солдат.

Недолго гостил Сергей дома. Через неделю пришел в ближайший авиационный полк, попросился в воспитанники.

— Ладно, как исключение, — сказал командир. — Вижу, что отличился ты: орден уже получил. Оставайся. Будешь учиться на воздушного стрелка-радиста.

До конца войны Сережа служил в боевом авиационном полку. А когда пришла долгожданная победа, старшине Сергею Корнилову исполнилось лишь восемнадцать лет.

Вернулся старшина в родные края, где прошло детство, опаленное войной. Живет и работает теперь Сергей Михайлович Корнилов в городе Белом, Калининской области. Он частый гость в школах города. Есть что рассказать ребятам бывшему старшине.

ВЗРЫВ НА ЗАРЕ

Все время, пока за деревней шел бой, Максимка сидел в холодном погребе вместе со своей матерью и маленькой сестренкой. Иногда снаряд разрывался во дворе, рядом с погребом, и за ворот Максимки сыпался песок.

Наступил вечер и снова ночь. А там, наверху, как вчера, бухают пушки, трещат пулеметы и рокочут танки. Идет бой. Хорошо, что в погребе оказались морковь и миска творогу. Иначе трое суток без пищи не выдержать.

Ночью вдруг все стихло. Кто-то протопал по двору. Закудахтала курица, замычал теленок.

— Грабят! — тихо сказала Максимкина мать.

— Это по какому праву? Я им… — Максимка схватил тяжелую глиняную черепушку и хотел вылезти из погреба и трахнуть по голове грабителя, но мать удержала его.

— Куда ты? Убьют! Это же фашисты…

Заплакала маленькая Анюта. Ей страшно и холодно, она дрожит, не спит. Застучал зубами и Максимка.

— Ты чего дрожишь? — спросила мать.

— М… м… мерзну очень.

— Ну вылезай, да смотри, осторожно. Пальтишко захвати Анюте.

Максимка вылез из погреба. Тепло. Из-за макушек деревьев выглядывает луна, пахнет дымом. Кругом тишина. Лишь где-то

далеко-далеко за Пселом строчат пулеметы.

На том месте, где за деревней шел бой, тлеют костры, что-то черное, большое стоит, как дом. Максимка присмотрелся: подбитый танк.

Озираясь по сторонам, подошел к распахнутому окну и заглянул в хату. Все, как было. Встал на завалинку, дотянулся рукой до лежанки и взял стеганое одеяло. Хотел отнести в погреб, но мать сама вышла и сказала:

— Давай, пойду укрою Анюту, а ты походи вокруг. Может, отец где…

Мать не досказала, но Максимка понял ее. Отец где-то воюет, и мать ничего о нем не знает.

Во двор забежала соседка. Увидев Максимку, она поманила его рукой:

— Идем, там, говорят, раненых много… Одной страшно.

— А фашисты где? — спросил мальчишка.

— Ушли через мост, туда, — соседка указала рукой на восток. — А ты чего же телку не спрятал? Увели германцы. И кур ваших переловили….

Вместе с соседкой Максимка пошел в овраг. Там уже ходили люди, разыскивали раненых.

Возле подбитого танка, из которого еще шел едкий дым, столпилось несколько человек.

— Слышишь, стонет…

— Командир. Ох, как его… Обгорел.

Раненого танкиста унесли в деревню.

Среди каких-то ящиков и глыб земли Максимка увидал разбросанные винтовки и автоматы. Поднял сначала одну, потом вторую винтовку, перекинул через плечо два автомата. Посмотрел вокруг: никого. Перебежал в сад и, озираясь по сторонам, закопал их. Может, пригодятся.

За ночь колхозники подобрали раненых и похоронили погибших.

А утром в деревню ворвались фашистские мотоциклисты. Они стреляли из автоматов в собак, выбивали в домах окна, ловили кур и гусей.

Дом, с котором был спрятан раненый танкист, фашисты спалили. Перепуганные жители стали разбегаться и прятаться. Максимкина мать с Анютой — снова в погреб. А Максимка схватил кусок хлеба да бежать, а куда, и сам не знает. Была за огородом яма, заросшая глухой крапивой и репейником, он нырнул в нее. Вдруг сильная рука схватила его за ворот рубахи. Перед глазами блеснула сталь револьвера.

— Ух, хлопец, напугал ты меня…

— А вы зачем тут? — удивился Максимка, узнав районного партийного работника Сеня.

— Тс! Тихо. — Сень спрятал в карман оружие. — Хорошо здесь. Прохладно, мятой пахнет, вот и отдыхаю…

— Как маленького обманываете, — обиделся Максимка.

— Ну, а коль не маленький, помалкивай.

Едва зашло солнце за лес, как Сень вылез из ямы, пополз между грядок к ивовым кустам и скрылся.

Максимка тоже выбрался из ямы и пошел во двор. В деревне было тихо и пусто.

Открыв дверь, мальчишка увидел плачущую мать. Маленькая Анюта сидела возле ухватов и грызла угли. Перепачкалась. Глупенькая, еще ничего не понимает.

Жизнь при оккупантах стала невыносимой. Они заставляли людей рыть окопы, били плетками, молодежь угоняли в Германию. А уж из хат тащили все, что увидят. Но фашисты, однако, побаивались кого-то. Всюду часовых расставили. Увидят старика или подростка — орут?

— Ты есть партизан! Арестовать!

Возьмут просто так, ни за что, и арестуют.

Однажды в хату пришел незнакомый человек.

— Послушай, Максим, а куда ты спрятал автоматы?

— Ничего не знаю.

— Узнают немцы — несдобровать.

— Сказал — я ничего не знаю…

— А может, перепрячем подальше?

— Вот что, — сказала Максимкина мать, — вы мальца в партизанские дела не впутывайте. Рано ему. Да и сам будь осторожен. Ходишь среди бела дня…

Человек ушел. Заковылял по улице, отираясь на палку.

«Где они, эти партизаны? — думал Максим. — Лес велик. Да и пустит ли мать, если попроситься к ним… А может, уговорить ее? Ведь не маленький я — тринадцать годов».

Перекинул Максим через плечо веревку и пошел в лес. На опушке встретил Кабаниху. Так деревенские ребята прозвали злющую тетку, торговку семечками. Теперь она самогон приловчилась варить да немецких солдат подпаивать. У нее фашисты не увели со двора корову.

— Куда путь держишь? — рявкнула Кабаниха.

— Телку ищу, — ответил Максимка, — не встречала?

— Не хитри, телку твою Гитлер сожрал. Говори, куда идешь?

— Наша телка умная. Она сбежала от немцев…

— У, непутевый. От горшка два вершка, а хитрости, как у

старика. Гляди, как бы тебе германец!..

— Тьфу на твоих пьянчуг. Не боюсь!

Кабаниха подняла на плечи вязанку хвороста, заворчала и пошла к деревне.

Максимка углубился в самую чащобу. Он останавливался в зарослях, прислушивался и нюхал лесной воздух: не пахнет ли партизанской махорочкой?

Мальчишка хорошо знал лес и не боялся заблудиться. То и дело находил белые грибы и шептал:

— Надо же, когда ищешь, не находишь, а теперь зачем они мне?

Возле заросшего камышом лесного озера Максимка встретил стадо кабанов. Сначала испугался, на дерево вскарабкался. Но кабаны, заметив его, сами струсили и, попискивая, как маленькие поросята, пустились наутек.

Незаметно наступил вечер. В лесу стало темнеть, а Максимка все еще не нашел никаких признаков партизанского жилья. Да и какое оно, неизвестно. «Может, партизан-то и нет в лесу?» — подумал мальчик.

Вдруг кто-то сзади навалился на него, и хрипловатый голос послышался над ухом:

— Ты что тут вынюхиваешь? Разведчик?

— Я ищу… — хотел сказать Максимка, что ищет партизан, но осекся, прикусил язык.

— Кого ищешь? Отвечай!

— Телку. Вот веревочка…

— Идем, — приказал человек и подтолкнул Максимку в спину.

Так с завязанными глазами и привел мальчишку в партизанскую землянку.

Тускло светит коптилка. За столом знакомый человек.

— Товарищ Сень! — обрадовался Максимка. — А я вас разыскиваю… Возьмите меня к себе.

— Куда я тебя возьму? У меня же не детский сад.

— Если примете в отряд, я вам автоматы дам, которые припрятал.

— Парень он большой. Пионер. Может, возьмем? — сказал тот дядя, который приходил за автоматами. Максимка узнал его.

— А как ты нашел нас? — поинтересовался командир.

— Нюх у меня собачий, — ответил Максим, — дымом тянет в лесу. Вот я шел туда, где махорочкой припахивает.

— Ладно, оставайся. Но не хныкать в случае чего… Ясно?

Максим Попков.

Максимка думал, что как только примут его в партизаны, так сразу же дадут пулемет, и он начнет косить немецких захватчиков, как чапаевская Анка. Но оказалось непросто стать настоящим бойцом.

Почти каждую ночь партизаны отправляются в поход. Дождь, ветер, дороги нет, лицо царапают ветки, а они все идут и идут. Идет и Максимка, несет пулеметные ленты и винтовку раненого бойца.

Ночные походы утомительны. Мальчишка валится с ног. Он уже давно не знает, в какой стороне дом, далеко ли до деревни. Деревья высокие, дремучие. Это брянский лес.

Идут партизаны на задание, а Максимка на посту стоит возле штаба. Одежда плохонькая, ветер так и гуляет за спиной. А днем учеба. Не такая, как в школе, а боевая. Надо уметь стрелять из автомата, знать оружие врага, уметь переползать, бить неприятеля прикладом.

Трудно Максимке. Он в отряде самый маленький. Но командир сказал:

— Как Суворов говорил? Трудно в учении, легко в бою!

Скидки на юность мальчику не делали.

Наоборот. Кто чистит командирского коня? Максим. Кто связной штаба? Максим. Кого больше заставляют кашеварить? Опять же Максимку.

Но мальчишке хочется воевать. Отправляются в разведку

партизаны, он чуть не плачет. Почему его не берут?

Когда пошли в бой против немецких карателей, Максимку тоже не взяли с собой. Приказали дежурить в медицинском пункте, помогать раненым.

Максимке было обидно. Возвратились партизаны, принесли автоматы, два пулемета, зажигалки. Максимке из трофеев достался фонарик. Сначала обрадовался. Но потом стыдно стало.

— Зачем мне чужие трофеи, — сказал Максимка и отдал фонарик повару. — Тебе пригодится. Ночью в котел заглядывать будешь.

Партизанский отряд увеличивался с каждым днем и немало неприятностей приносил врагу. То разрушат мост, то уничтожат штаб, то освободят наших пленных. Им ни холод, ни темнота не помеха.

Однажды ночью партизаны вступили в бой с немецкими войсками, идущими к фронту. Бой шел до рассвета. Наши напали внезапно. Враг, зажатый в клещи, сначала сопротивлялся отчаянно, а потом стал удирать.

Вдруг через лежащих в снегу бойцов перескочила вороная лошадь с маленьким всадником в седле и помчалась к лесу. Было еще темно, и никто не узнал Максимку.

Где-то у опушки леса застрочил пулемет, и потом все стихло.

Через несколько минут партизаны увидели возвращающегося всадника на вороном коне, а впереди, опустив головы, шли три здоровенных фашиста.

— Принимайте пленных, — раздался звонкий мальчишеский голос.

Через год Максимке выдали оружие: ему исполнилось четырнадцать лет. Правда, росточком он был маловат. Сам командир отряда сказал однажды, хитровато улыбаясь:

— Я тоже в свое время годки прибавлял себе.

Заскрипели, качаясь, корабельные сосны, зашумел лес. Стало темно, как под черным одеялом. Вовсю разыгралась вьюга. Но и сквозь ее завывание слышно было, как где-то далеко стреляли пушки: бух, бух, бух. Мороз такой, что деревья трещат, но в землянке жарко. Железная печка накалилась докрасна.

Максимка, раскинув руки, сладко спит на соломенном тюфяке. Вместо подушки — рваная шубенка, а рядом — автомат.

В полночь в землянку вошел дядя Миша-бородач, партизанский минер. Он присел на край нар. Долго смотрел на спящего Максимку, покачивая головой.

Дверь приоткрылась, и в землянку заглянул командир.

— Ну, «дед», чего мешкать? Пора! — тихо сказал он.

— Неохота мне будить его. Спит крепко.

Максимка сам проснулся. Потер кулаками глаза, улыбнулся, догадался, что неспроста в землянке «дед» — минер. Такой, как он, специалист — один на весь отряд.

— Что, на боевое задание?

— Да, Максимка, на боевое, — ответил дядя Миша. — Одевайся потеплее.

Дядя Миша объяснил мальчику, что нужно делать.

— К фронту идет эшелон с танками и боеприпасами. Мы должны пустить под откос этот эшелон. Остальное расскажу на месте. Ленточку сними. Оружие оставь в землянке. Ясно?

Долго шли партизаны сосновым бором. Впереди Максимка. Лишь он один мог видеть ночью. Конечно, не так уж хорошо, но лучше, чем взрослые. Сзади — дядя Миша и еще человек десять. Дядя Миша сам вез на санках взрывчатку. Так бывало в особо важных случаях.

Наконец бор кончился. На опушке не так темно, как в лесу, но ветер злее. Валит с ног, забирается под рубашку. Максимка раза три терял в сугробе правый валенок, потому что валенки были разные: один — матери, другой — отца. Отцовский, большой, то и дело соскакивал.

— Зачем же ты босой ногой на снег? Я подам. Держись за шею, — дядя Миша запускает руку в сугроб и достает разношенный подшитый валенок, высыпает из него снег и помогает Максимке засунуть ногу. — Вот возвратимся, носки тебе свои подарю. Шерстяные.

Подошли к мосту и притаились неподалеку в кустах.

— Вот так, Максимушка, — сказал дядя Миша, — мы будем сидеть тут. Ты повезешь санки со взрывчаткой. Как заедешь на мост, бросай их между рельсами. Мы так рассчитаем, что поезд будет как бы нагонять тебя сзади. Ты скорее беги и ложись за насыпь. Ну, а там все свершится, как надо. А в случае чего — мы часового снимем из снайперской.

Мальчишка молча кивал головой. Ему было все понятно. Ловко придумали!

— А если впереди поезда пройдет дрезина, — шептал «дед», — ты ее пропусти. Они ведь наших людей иногда заставляют ехать впереди на дрезине. Боятся мин. Ясно?

— Понял, — ответил Максимка. — Но как я все это увижу? Ведь темно.

— В том-то и дело, что эшелон будет идти на рассвете. А если бы ночью, то зачем нам твоя помощь? А так немец подумает, что везешь дровишки. Мы сейчас тебе положим их.

Рассвет подкрался незаметно. Где-то далеко послышался

паровозный свисток. Дядя Миша то и дело поглядывал на часы.

— Ну, пора!

Максимка нахлобучил рваный треух и повез санки по заснеженной дороге вдоль насыпи, шагая навстречу колючему ветру. Идет и думает: «Ну как часовой трахнет из автомата в меня?» — и вроде бы слышит басистый голос дяди Миши: «А ты не трусь, сынок, я его держу на мушке. Как поднимет автомат фашист, так и капут ему». А все же страшно. Вот он, немецкий солдат, рядом. Так и кажется, что он подойдет, пнет ногой санки, и все пропало…

Но тот даже носа не высунул из тулупа: подумаешь, пацан с санками. Мало их из села за дровами в лес шастает…

Вот он уже поровнялся с часовым. Хочется идти быстрей, а ноги ни с места, как во сне. Самого то в жар бросит, то в холод, и в глазах все темнеет. Вместо одного кажется два часовых, и оба здоровенные, как каланчи.

Санки вдруг стали легкими, и Максимке кажется, что взрывчатка свалилась… Оглянулся. Сзади показался длинный, пыхтящий эшелон. Мальчишка зашагал быстрей, раскачиваясь, как гусь. Страх прошел. Часовой уже позади. Не поймет Максимка, отчего в ногах отдаются удары: от своего сердца или от колес поезда, который приближается к мосту. Остановился. Пора или не пора?.. Убегать или рано?

Немец машет, чтобы мальчишка быстрее проходил по мосту…

И тот, будто очень испугался, бросил санки между рельсами и удирать… Бежит, а кажется, все на одном месте…

А фашист сзади веселится: га, га, га!.. Смешно ему потому, что паренек снял валенок и бежал, спотыкаясь, с насыпи. А может, часовой предвкушал удовольствие от того, как хрустнут дровишки под колесами тяжелого состава.

Раздался сухой щелчок. «Не в меня ли?» — Максимка оглянулся и увидел, как гитлеровец, задрав ноги, кубарем летит с моста.

Мальчишка пустился бежать пуще прежнего. И едва он скатился с насыпи колобком, вздрогнула земля и раздался взрыв. А он все катился и видел то голубое небо, то снег, то черный столб дыма и падающие сверху обломки вагонов. Как гром гремели танки и вагоны, рухнувшие с моста.

Максимка вылез из сугроба, сел на снег, прислушался. Тишина, Лишь в ушах звенят колокольчики. А на том месте, где был мост, все стоял, но теперь уже не черный, а седой столб дыма. Показалось, что где-то идет поезд: тук, тук, тук, тук! — Прислушался — это сердце стучит.

— Максимка! — услышал он знакомый голос дяди Миши. —

Тикай в лес! Да сапог, сапог не потеряй!

…За этот подвиг юный партизан Максим Попков был награжден орденом Красной Звезды.

Почти два года сражался он в рядах народных мстителей. А когда пришла регулярная армия, ушел добровольцем в гвардейский стрелковый полк. Потом, после войны, закончил танковое военное училище и стал кадровым офицером.

Кончилась война. К себе в родное село приехал только что окончивший танковое училище лейтенант Максим Попков. Хорошая офицерская выправка, на груди орден и медали. Матери он сообщил, что твердо решил всю жизнь отдать службе в Советской Армии.

И как многие офицеры, Максим Федорович служил и на севере, и на юге, побывал и на Курилах, потом работал в военкомате.

И где бы он ни был, оставался постоянно другом пионеров. Много лет офицер Попков руководил военной подготовкой в ДОСААФ, учил ребят, как его когда-то в Осоавиахиме, метко стрелять, ходить в разведку.

Сколько интересных и поучительных эпизодов из фронтовой жизни Максим Федорович рассказывал школьникам и никогда не вспоминал о своем. Но однажды в «Пионерской Зорьке» ребята услышали рассказ о Максиме Попкове, и на очередном занятии по стрелковому делу один мальчик спросил руководителя:

— Вы не знаете, где теперь Максим Попков, который пустил под откос фашистский эшелон?

Офицер смутился и пообещал, что когда-нибудь расскажет ребятам о юном партизане Максимке.

А через несколько дней, когда пионеры пригласили майора к себе в школу, тот же мальчик сказал:

— Сейчас мы покажем вам диафильм о Максимке…

Ребята догадывались, что майор Попков и есть тот самый юный партизан.

Пришлось ему сознаться, что они не ошиблись. Много интересного рассказал в тот вечер офицер. С тех пор горячая дружба связывает ребят с бывшим партизаном, а ныне майором Попковым, который живет и служит под Москвой. Теперь он военный строитель.

ВОЛОДЬКА ХОДИЛ В АТАКУ

Над распахнутой дверью старой школы, где с незапамятных времен висел плакат «Добро пожаловать!», криво прибит фанерный лист. «Смерть немецким оккупантам!» — выведено на нем черными буквами.

Первое сентября. Ребята ждут звонка. Девочки поют, играют в горелки, мальчишки гоняются друг за другом. Словом, все, как прежде, из года в год. Так же родители привели малышей-первоклашек. У них новые портфели, ранцы, в руках родителей цветы.

Ровно в девять утра на ступеньках школы появился директор. Песня оборвалась на полуслове.

— Учиться не будем. Расходитесь по домам, — объявил директор. — Только что позвонили из роно, немцы рвутся к нашему городу.

Вскоре Красный Лиман стал прифронтовым городом.

Однажды (на рассвете Володя проснулся от страшного грома. В доме никого. Отец еще летом ушел в армию, мать на оборонительных рубежах. Там днем и ночью не прекращаются работы: тысячи людей роют окопы, противотанковые рвы, узкие ходы сообщения. Руки у всех в мозолях, лица воспалены от жаркого солнца.

Днем Володя варит картошку и носит матери обед. Тоже мог

бы работать, не маленький, уже тринадцатый год, да только дядя Саша — осоавиахимовский командир не пускает. Он учит ребят — членов осоавиахимовского кружка стрелять из винтовки, ставить мины, набивать патронами пулеметные ленты, перевязывать раны.

— Вы недаром члены общества содействия нашей Красной Армии, — говорил он. — Это ничего, что вы маленькие. Наступит час, когда и ваша помощь может потребоваться.

Володя выглянул в окно. Город в дыму. Пожар. Где-то недалеко стреляют зенитки. Вдруг забарабанили в дверь. Мальчишка оробел: кто бы это мог быть?

— Откройте! — послышался настойчивый голос.

— Кто там? — спросил Володя. — Что вам?

— Командиры Красной Армии! Открывай!

В дом вошли трое военных. Один из них высокий в кубанке, он, как хозяин, прошелся по комнате, сел; осмотрелся вокруг.

— Что ж, просторно живешь. Придется поквартировать у вас. Не возражаешь?

— Хиба я возражаю? Как мама?..

— С мамой договорились. Ну, а с тобой, «хиба», тоже поладим. Бомбежку видал?

— Видал. Не впервой.

— И не боишься? — спросил высокий.

— А чего бояться? В одного человека не попадут. Главное — не метаться во время бомбежки.

— Смотри-ка, — засмеялся командир, — он уже обстрелянный. Ну и орел! Недаром сын кузнеца. Кузнец-молодец!

Веселыми оказались и два других товарища. Шутят, расспрашивают, все их интересует.

— Ну, а если сюда немцы придут, то как быть?

— Надо, чтоб все: и военные, и все, кто в городе, с оружием на защиту встали. Так нам в Осоавиахиме говорят. Да только вот почему нас на фронт не берут?

— Ладно, — сказал высокий, — надоело о войне балакать. Тоже мне — вояка… Согрей-ка лучше чай, мы с дороги, устали.

К счастью Володи, не умеющего принимать гостей, к чаю возвратилась мать. Одежда в глине, лицо опаленное солнцем, осунувшееся от усталости и недосыпания.

— Ну вот, располагайтесь. Хата не ахти какая, но отдохнуть всем место будет.

Но военным было не до отдыха. Уходят на рассвете, а возвращаются поздно ночью. Володе поговорить охота, но командиры уставшее, попьют чай и сразу же спать. Высокий,

который никогда, даже в солнечный день, не расстается с кубанкой, начальник. Из их разговоров мальчик догадался, что все они ремонтируют пушки и минометы, присланные с фронта.

Когда распался осоавиахимовский кружок, потому что всех комсомольцев и самого дядю Сашу взяли на фронт, Володя решил попросить квартирантов помочь ему уйти на фронт. «Уж они-то знают, как можно поступить простым бойцом…».

Набрался смелости, обратился к начальнику:

— Определите меня на фронт, помогите…

— Там такого как раз ждут, — ответил тот сердито. — Это зачем же, жизнь надоела?

— Буду фашистов бить, чтобы война скорее кончилась. Хочу быть полезным, понимаете?

— Значит, те, кто в окопах, — люди полезные; а кто у станка — бесполезные? Нет, братишка, туда тебе незачем, а вот, если хочешь, артиллерийского мастера из тебя сделаем. Хочешь? Еще какую пользу будешь приносить…

— Хочу! — согласился Володя. — Хоть мастером…

И как не возражала мать, мальчишка настоял на своем и был зачислен в ремонтную артиллерийскую мастерскую подсобным рабочим.

Написал об этом отцу в Действующую армию и вскоре получил ответ:

«Одобряю, молодец. Помогай фронту уничтожать врагов человечества».

Работы в мастерской много. То и дело приходят эшелоны с разбитыми пушками и минометами. Весь двор заставлен ими. Мастера работают в две смены. В цехах шумно, пахнет смазками и гарью. И всем нужно помогать, без подсобного рабочего — никуда.

— Володя, тащи ветошь!

— Малыш! Готовь электроды!

— Парень! Иди на разгрузку орудий!

— Мальчик! Сбегай на почту!

— Эй, хлопец! Бери котелки и за обедом!

Ноги к вечеру, как свинцом, налиты, едва переступают, спина ноет, голова болит. Трудно мальчишке, а тут и пища слабовата, но он понимает: теперь всем нелегко.

Война! А как фронтовикам? Еще труднее.

А тут еще узнал, что дядя Саша, который так любил заниматься с ребятами военным делом, погиб на фронте. Воевал лишь несколько дней, может, и фашиста не убил. Володя твердо решил: «Буду военным! Это неважно, что маленький, изучу как

следует пушку и миномет, в бой пойду, мстить за дядю Сашу буду!»

Володя стал присматриваться к делам мастеров. Научился разбирать затвор пушки и прицельные приспособления. Постепенно наловчился ремонтировать детали и узлы орудий. Спрашивал у мастеров, как стрелять из пушки.

— Если мать не возражает, зачислю красноармейцем, паек будешь получать, обмундирование выдадим, — сказал как-то начальник. — Поговори дома, посоветуйся. А по секрету скажу: определяйся к нам, немцы к Дону подходят.

Может, мать и не разрешила бы, да к городу вплотную подошел враг. Куда деваться? Зима, холод, голод, обстрелы. Люди, эвакуируются. Готовится к уходу и артиллерийская мастерская.

— Иди, сынок, помогай, чем можешь, — сказала она, захлебываясь горькими слезами. — А ежели отца встретишь, с ним будь…

Оставил Володя родной город, мать, дом, ушел с отступающими войсками. По сообщениям с фронта, дела там жаркие, неутешительные. Немцы рвутся к Москве… Сердце сжимается, когда слушаешь сводки.

Мальчик сознавал, что дело в мастерской серьезное, нужное и старался изо всех сил. Но хотелось на фронт, чтобы самому непосредственно мстить врагу за разрушенную школу, за смерть людей, погибших под бомбежкой, за дядю Сашу и за слезы матери… Сказал об этом своему начальнику…

— Рано, — отрубил тот. — Сначала комсомольцем стань. Да и нужен ты мне как мастер. Понял?

«Эх, скорее бы прошли эти шесть месяцев, — сокрушался Володя. — Тогда и в комсомол можно. Ровно четырнадцать будет. А комсомольца не имеют права держать в тылу».

Видно, когда человек очень захочет — желание сбудется. Стал Володя Коваленко комсомольцем. Много рапортов написал командиру и добился своего. Отпустили в Действующую армию. Только оказалось, что и там не все воины лично уничтожают врагов в бою. Зачислили Володю в аэродромную часть. До фронта почти сто километров. Вот летчики воюют, немецких захватчиков громят, а Володя знай на посту стоит да за сигнальными фонарями наблюдает. Нет, не этого хотел мальчишка.

Поговорил с комсоргом, рассказал о своем желании быть на переднем крае, где гитлеровцев бьют, но сержант, комсорг роты, и слушать не хочет. «Ты, — говорит, — и здесь пользу немалую приносишь. Я тоже рвусь, но не пускают».

Конечно, кому-то надо и самолеты охранять, и аэродром

подсвечивать, и бомбы подвешивать. Прав сержант, но Володе от этого не легче. Немцы уже давно заняли родной город, а там осталась мама…

Однажды потребовалось установить ночное дежурство на ложном аэродроме. Командир поручил это задание Володе. Это был не аэродром, а просто поле. А на поле фонари, два разбитых самолета, один старенький прожектор. Несколько ночей было спокойно, потом немцы «клюнули». Сначала появился один стервятник. Володя пошарил лучом прожектора, помигал, словно освещая полосу для посадки, и спрятался в глубокой щели.

Часа через два послышался гул моторов. Летят… На поле светят керосиновые фонари и ни единого человека. Володя сидит в щели, сердце замерло: что же будет? И вдруг свист, рев, а потом оглушительные взрывы, земля вздрагивает, песок сыплется за ворот…

«Давай, давай, шуруй по пустому месту», — думает Володя.

Три налета сделали немцы за ночь, сотни бомб сбросили на пустое поле.

Подумаешь, фонари разбили. Их из консервных банок можно еще сделать сколько угодно.

За выполнение боевой задачи Володе Коваленко была объявлена благодарность. И все же это не фронт, не бой. Вот там, на передовой, можно по фашисту автоматную очередь дать. Пусть не лезут!

— Пошлите в действующую, — упрашивал он командира аэродромной части чуть ли не каждый день. — Прошу вас, пошлите.

— Нужно будет, пошлем, — пообещал подполковник. — Надоел ты мне со своими просьбами. Что за человек…

Вскоре Володю Коваленко вызвали в штаб. Было это ночью. Даже с поста сняли. Значит, важное дело.

— Писал рапорт о зачислении в действующую часть? — спросил начальник штаба, рассматривая на столе Володины рапорты.

— Писал. В бой хочу.

— Формируется группа добровольцев-автоматчиков. Хочешь принять участие в штурме Керчи?

— Конечно! — обрадовался Володя. — Зачисляйте. Автомат знаю назубок.

Добровольцев набралось немало. Сначала небольшая подготовка в тылу, а затем отправка на косу Чушку, где днем и ночью гудит, гремит и стонет земля.

Зачислили Владимира Коваленко в 339-ю Таманскую дивизию. Комсомольцев-добровольцев из тыловых частей в

дивизии было более двухсот человек. И все в бой рвутся, чтобы свести счеты с ненавистным врагом.

На занятиях по тактике Володя старается не попадаться на глаза начальству, в строю занимает место в середине. Беспокоится: заметят еще, что моложе всех, снова вернут на аэродром…

Но командованию все известно: и возраст, и стремление комсомольца сражаться с врагом. Разве может командир отказать в этом?

Володя лучше других ребят выполнил зачетное упражнение из автомата, ловко бросил гранату и на все вопросы по технике ответил верно. Лейтенант даже удивился:

— Где изучал военное дело?

— Это еще давно, когда маленький был, в Осоавиахиме, — ответил с гордостью Володя.

Володя Коваленко.

Наконец, пришло время отправляться на огненную землю под Керчь. Вечером, еще засветло, пришел сам генерал. Завязалась беседа о предстоящих боях. Все, наконец, решено: комсомольцы пойдут в штурмовых группах. Но Володя еще сомневался: не отправят ли в тыл?

Больше часа разговаривал генерал с ребятами, подробно рассказал о создавшейся обстановке, о боевых делах

комсомольцев на других фронтах, а потом закончил:

— Дело, ребятки, серьезное. Вы, добровольцы, пойдете в первых рядах… Родина надеется на вас. Когда-то и мы вот, как вы… Да и теперь не старики, — улыбнулся генерал.

Да, на штурмовые группы большая надежда. Их распределили по батальонам. Всех солдат-комсомольцев вооружили автоматами и гранатами.

Ночью катерами их перебросили под Керчь. Они должны были сразу же после артиллерийского налета ворваться на окраину города и выбивать немцев из подвалов и домов, расчищать путь главным силам знаменитой Таманской дивизии.

Володя рассовал по карманам гранаты, проверил автомат и вместе со своими товарищами занял рубеж за садом. Не страшно, только почему-то дрожь не унимается.

Накрапывал мелкий холодный дождь. Сначала было тихо. Лишь изредка прошуршит над головой дальнобойный снаряд да застрочит где-то рядом пулемет, и опять тишина.

Гитлеровцы, как потом стало известно от пленных, не ожидали наступления в этот день. Но оно началось.

Блеснуло по всему фронту пламя, освещая густые клубящиеся облака, и загремела артиллерия, земля вздрогнула.

Где-то справа слышится тоненький, как у девочки, голосок: «Давай, давай, „бог войны“! Поддай жару, не жалей пару!»

Рядом кто-то кричит над ухом:

— Держись! Главное — не робей!

Через полчаса, когда орудийный гром смолк, в бон вступили огнеметчики. А вместе с ними с криком «ура» бросились и автоматчики. Все бегут, стреляют. Но впереди никакого противника не видно.

Уже наступил рассвет. Все в дылду, дерет горло, словно наждаком. Володя тоже кричит «ура» и ничего не замечает: ни бегущих рядом товарищей, ни разрывов вражеских снарядов, ни пылающих в огне развалин домов. Вот уже окраина города, кругом страшный грохот. «Когда же из развалин поднимется толпа фашистов, — думает мальчишка, — когда же можно будет косить их из автомата? Где они, гады?»

Вдруг бегущий впереди лейтенант упал, словно споткнулся о камень, и выронил пистолет. Не встает. Неужели убили? Володя бросился к нему. Стонет. Из-под каски офицера сочится кровь. Как учили в кружке «Красного Креста», мальчик быстро перевязал рану. Хотел оттащить командира в укрытие, но неожиданно из подвала ударил вражеский пулемет. Близко, совсем рядом. Желтоватые тугие языки пламени словно хотят лизнуть своим кончиком ноги лейтенанта. Володя распластался на сырых

камнях мостовой. Пулемет ведет огонь по правому флангу. «Уничтожить!» — мелькнула дерзкая мысль.

Все произошло в одно мгновение: бросив в подвал гранату, мальчишка дал длинную очередь из автомата и прыгнул в густой дым. В полумраке увидел лежащего на спине гитлеровца. Задрав руки и ноги, он пронзительно визжал с перепугу.

Не обращая на него внимания, Володя прострочив углы сырого похвала, потом ударил ногой прямо по носу гитлеровца.

— Выходи, гад! Чего лежишь?

Тот хочет подняться, падает на колени, трясется…

— Быстро! Шнель! У, морда противная! Иди вперед!

Мальчик выводит немца из подвала. Натыкается на трупы фашистов. Вокруг ни души. Бой слышен где-то вдали. А лейтенант, раскинув руки, все еще лежит на дороге. Юный автоматчик вспоминает, как учили командиры: раненых товарищей в бою не бросать, пленных одних не оставлять. «Не разрядить ли автомат в фашиста?» Но тут же промелькнуло: «Зачем? Разве можно убивать вот так, просто, без боя?» Сердце сжимается от досады: «Что с ним делать? Ведь нужно лейтенанта выносить с поля боя…»

— Убежал бы ты хоть, трус несчастный! — ругается Володя и со злости тычет автоматом в спину фашиста — Бери офицера, понесем в тыл!

Немец догадался, а может быть, знал по-русски. Опасливо озираясь, взваливает на спину советского лейтенанта и по-русски хрипло бормочет:

— Я не виноват… я не хотейль…

— Неси! Там разберутся! Ну ты, горилла, осторожно! Или я тебе…

За большим кирпичным домом подбежала девушка в шинели:

— Давайте его на повозку! — приказала она.

— А ты кто такая?

— Фельдшер! Вот кто. Ты что, дисциплины не знаешь, не видишь, что я лейтенант.

— Вот и командуй! Оставляю тебе и своего лейтенанта и пленного, а мне туда надо! — огрызнулся Володя и быстро исчез. «Подумаешь, командир нашлась», — долго не мог он успокоиться.

А бой продолжался. И снова, возбужденный, весь мокрый мальчишка ринулся в атаку. Справа и слева слышится «ура». Таманская дивизия на плечах немцев врывается в Керчь. По улицам бегут солдаты, катят пушки… На мостовой убитые фашисты. Город разрушен.

Володе ничего не понятно: откуда-то появилось столько наших, по мостовой грохочет танк, подминает убитых немцев,

давит ящики, гильзы, стекло… Не пойдешь, что творится…

— Эй мальчик! — кричит усатый солдат. — Шел бы ты в тыл, чего путаешься тут?

— Сам отправляйся в тыл! — дерзко ответил Володя и побежал вслед за танком. Полы мокрой шинели бьют по коленям, в сапогах хлопает вода.

С разбегу он взбирается сзади на танк, кто-то подает руку. Машина горячая, пахнет бензином и дымом махорки. Какой-то солдат сует ему окурок в рот: — На, потяни разок…

— Иди ты!.. Я не курю…

Вскоре танк выскочил на площадь, видно море. Волны пенятся.

— Эй, гляди! — кричит тот, что угощал цигаркой, и, словно сброшенный кем-то, падает с танка прямо на мостовую и не поднимается. Убили…

Из-за парка ударили немецкие пушки, поднялись свечи огня и комья земли. Танк остановился, выстрелил два раза, рванул в сторону. По броне залязгали пули. Солдат, как ветром сдуло с брони, залегли за сваленным телеграфным столбом. Открыли стрельбу. А куда стреляют, не понять.

Вместе с ними залег и Володя. Из парка, пригибаясь, бегут немцы, строчат из автоматов, падают, снова поднимаются. И вдруг со стороны моря широким фронтом хлынули моряки. Вьются ленточки по цепям, мелькают тельняшки, в руках гранаты…

— Ура!!! Ура-а-а-а!

Все устремились к парку навстречу немцам. Вместе с моряками мчится и Володя в серой шинели. Где-то уже заменил автомат — за спиной болтается немецкий, каску бросил, потому что на глаза спадает.

— Ура!!!

Вместе с моряками мальчишка очутился на третьем этаже какого-то полуразрушенного дома. В длинных коридорах завязалась перестрелка.

Как случилось, что Володя оказался в комнате, уставленной шкафами, он не помнит, но произошло непредвиденное: рухнула стена и загородила дверь. Выглянул в окно: к дому бегут немцы. Вот они уже близко, еще несколько шагов — и в подъезде. Нужно что-то придумать.

Тогда он мгновенно выдергивает кольцо из «лимонки» и бросает вниз; выдергивает из второй и тоже — вниз. Один за другим раздаются взрывы, словно скошенные, валятся гитлеровцы на мостовую. Володя хотел запустить еще одну гранату, но из-за угла выбежала группа моряков и с криками «ура» ворвалась в

дом.

Теперь бой передвинулся в соседний дом.

Хотя мальчишка и не испытывал страха, все же появление моряков обрадовало его. Еще бы, такая сила рядом!

На площади все больше и больше наших. Они бегут куда-то по набережной и исчезают в сизой дымке, повисшей над городом.

— Эй, славян! Выбирайся! — послышалось за глыбой.

Володя увидел в большую щель улыбающееся лицо солдата.

С грохотом упала глыба на паркетный пол, и мальчишка выбежал в коридор.

— Здорово ты их, красиво! — сказал солдат и что-то записал в блокнот. — Как фамилия?

— Коваленко!

— Дивизия?

Володя назвал номер, а потом спохватился, может, шпион какой…

— Это зачем тебе, а? И кто ты такой, собственно говоря? И это вот, что?

— Чего пялишься? Это фотоаппарат. Корреспондент я. Из газеты. Дошло?

Но что Володе за дело до корреспондента, когда такое творится… Надо искать своих.

— Ладно, некогда мне здесь болтать, побегу. А то…

…Прошло несколько дней после того, как освободили Керчь. Дивизия уже продвигалась в глубь Крыма. И вот однажды на привале рядового Коваленко вызвал сам генерал.

— Слыхал про тебя, Коваленко. Хорошо дрался. Смело и правильно.

— Как учили, — скромно ответил Володя.

— Значит, усвоил военную науку побеждать. От имени Верховного Совета вручаю тебе, Владимир Коваленко, орден Отечественной войны первой степени. Поздравляю!

— Служу Советскому Союзу! — бойко ответил маленький солдат.

И тут как тут тот самый корреспондент. Улыбается.

— А ну-ка, позвольте вас зафиксировать… — и щелкнул затвором новенького ФЭДа.

— Сколько же тебе лет, юноша? — поинтересовался генерал.

— Шестнадцатый пошел… — ответил Володя, прибавив годик. — Я их, паразитов, до Берлина гнать буду! Пусть знают…

Генерал улыбнулся, обнял мальчишку.

— Что ж, желаю боевых удач.

Два года воевал Володя Коваленко. Когда в бой ходил, орден не прятал. Пусть знают фашисты, с кем имеют дело! Но в одной

из атак ему не повезло: осколок раздробил ногу, пуля задела позвонок…

Совсем еще юный солдат Владимир Коваленко стал инвалидом. Возвратился домой. Долго лечился.

Более двадцати лет прошло с тех пор, но в сердце не погас комсомольский огонек. Он надежно помогает Владимиру Захаровичу трудиться на своем посту главного кондуктора в городе Красный Лиман Донецкой области. Недаром фронтовик-орденоносец удостоен звания ударника коммунистического труда. Два года боролся за это звание. А в труде, как и в бою, комсомольский огонек очень нужен.

Ушло в историю тяжелое время. Лишь следы ран на теле напоминают о жестоком прошлом. Растут два взрослых сына в дружной семье Коваленко.

А школа, в которой так и не пришлось больше учиться Владимиру Захаровичу, по-прежнему стоит перед глазами фронтовика, и над дверью плакат:

«Смерть немецким оккупантам!».

БЫТОШСКАЯ БЫЛЬ

Поселок Бытошь Брянской области оказался одним из тех самых пунктов на дороге к Москве, через которые, начиная с сентября 1941 года, днем и ночью шли немецкие войска.

Лучшие дома гитлеровцы облюбовывали под комендатуру и штаб. Нередко в поселке останавливались генералы с большой овитой, потом уезжали. И снова громыхали, гудели обозы и машины. Все это не могло не привлечь внимания народных мстителей.

Не случайно почти вся бытошская молодежь осталась в поселке. Многие ребята еще до прихода гитлеровцев знали свою задачу: заниматься подрывной деятельностью, бороться с врагами, находясь в глубоком подполье.

Руководить молодежной организацией райком поручил Анатолию Морозову, только что окончившему десятилетку. Ему же было доверено наладить связь комсомольской боевой организации с брянскими партизанами.

Сначала Анатолий собрал группу из тридцати комсомольцев и пионеров, распределил между ними обязанности, и ребята приступили к действиям. Тайно от своих родителей и незаметно для врагов они добывали оружие, учитывали количество проходящих по дороге войск, строили в лесу бункера, но активных боевых действий в целях конспирации долго не вели, хотя были неплохо подготовлены к этому. Почти все имели оружие, умели пользоваться им и, самое главное, люто ненавидели фашистов.

Штаб подпольного молодежного отряда разместился в доме Морозовых. Это было и удобно, и безопасно. Семья Морозовых большая, дружная, но всем было известно — незажиточная, и немцы не останавливались у них.

Шесть душ вырастила Матрена Васильевна, потерявшая мужа еще в 1936 году, когда ей было всего тридцать пять лет. Старшие сыновья Георгий и Евгений служили в рядах Красной Армии. Анатолий, Александр, Николай и Лара — дома.

Лара — единственная девочка в семье, да к тому же меньшая, веселая и красивая собой, была радостью матери и любимицей всех пятерых братьев.

Чтобы не навлечь на себя гнев немцев, все Морозовы безотказно работали на рытье окопов, выполняя все требования комендатуры. А по вечерам в их доме, как и; до войны, проводились «веселые» молодежные встречи. Только теперь девушки и парни собирались не веселиться, а решать задачи борьбы с немецкими захватчиками, проводить тайные комсомольские собрания.

Душой этих вечеров была Лара. В четырнадцать лет она хорошо играла на гитаре, пела, танцевала. Задорная, неугасимая шутница, она вела всю «художественную часть». А тем временем брат Анатолий уводил за печь в темный угол отдельных ребят, давал им боевые задания, принимал рапорты о выполнении предыдущего приказа.

С каждым очередным сбором увеличивался молодежный подпольный отряд Анатолия Морозова и расширялась сфера его действий.

Когда шли бои под Москвой и поселок Бытошь был уже далеко в тылу немецких войск, подпольная организация насчитывала больше ста человек. Они перешли к активным операциям. Среди них было немало пионеров. Боевые задания поступали от партизан. Больше всего партизан интересовали данные о войсках фашистов: где они разместились, сколько их, в каком направлении выдвигаются.

— Сможешь все узнать? — спросил Анатолий у сестры.

— Спрашиваешь! Конечно.

Никому не удавалось добывать такие полные сведения, как Ларе. Помогало девочке знание немецкого языка. Пойдет к знакомой подружке, где поселились немцы, и какой-нибудь словоохотливый фельдфебель все разболтает. Да и наблюдательностью она отличалась. Все заметит: какие пушки, сколько их, номера на машинах.

Лариса Морозова собирала информацию о фашистах в соседних деревнях и населенных пунктах и передавала их не

только в штаб отряда, но и партизанам, встречаясь в условленном месте.

Другие пионеры и комсомольцы минировали дороги, поджигали сараи с боеприпасами, совершали нападения на автоколонны.

А однажды под Бобровкой группа вооруженных ребят разгромила тыловые машины, идущие за продовольствием. В этой схватке комсомолец Александр Анишин уничтожил из пулемета 38 фашистских солдат. Ребята подбросили на место боя парашют, который оставил раненый летчик. Немцы всполошились: двое суток искали советских парашютистов.

Нередко партизаны поручали юным мстителям совершать покушения на полицейских и предателей. Это Александр Анишин, Анатолий и Виктор Морозовы уничтожили Кукушкина, который систематически предавал партизан и наводил гитлеровцев на их семьи.

К весне 1942 года фронт снова приблизился к району Бытошь. В ближайших населенных пунктах появились резервные и тыловые немецкие части, и морозовцы были вынуждены уйти в глухой лес.

Действия молодежного отряда стали носить открытый и более дерзкий характер. Ребята чаще совершали ночные нападения на немецких захватчиков, подпольная молодежная группа фактически вела борьбу как самостоятельное боевое партизанское подразделение. Командиром по-прежнему был Анатолий. Связь с Бытошью держала его сестра Лара. Она смело проникала в поселок, собирала необходимые сведения и незаметно исчезала.

Однако не всегда отряду сопутствовали удачи. Жаркий бой пришлось выдержать под Матреновкой. Несколько партизан, в том числе и молодежный вожак Анатолий, были ранены. Эту по существу первую неудачу ребята тяжело переживали.

Командовать отрядом стал Павел Федичев.

— Я прошу, чтобы мне дали такое задание, где я могла бы отомстить за кровь товарищей и брата, — сказала Лариса командиру отряда.

— Главное сейчас— разведка, — ответил командир. — Иди вместе с Зиной Слесаревой в Бытошь, оставайся там и собирай сведения…

Чтобы поселиться в поселке, требовалась прописка комендатуры. Но как прописаться? В те дни из-под фронтовой полосы то и дело прибывали девушки, Лариса и Зина решили выдать себя за прибывших вместе с ними. Пришли в комендатуру, заполнили бланки, уже получили разрешение на прописку, но тем

временем, словно быть тому, в дверях появилась известная в поселке своим легким поведением Валентина Шаменкова..

Девушки, конечно, знали, что Шаменкова добровольно пристроилась в комендатуре убирать за фашистами нечистоты, но надеялись, что она не предаст их. Ведь когда-то учились в одной школе, вместе на вечерах танцевали…

— А, партизаночки припожаловали к нам, — осклабилась Шаменкова… — Те самые, господин комендант… — кивнула она головой.

Немец что-то сказал стоявшему рядом полицаю Стулову и тот, словно цепной пес, набросился на девушек. Он свирепо схватил их за волосы и, ударив головами о стол, заорал:

— Зачем явились, выкладывайте! Где отряд? Сколько вас?

— Да какие же мы партизанки! — стараясь сохранить спокойствие, возразила Лариса. — На торфяных болотах работали. А теперь там фронт, вот и возвратились домой…

— Враки. Стулова не проведете!

Свистнула нагайка, и огнем обожгло спину, плечи, грудь…

— Гадина! — крикнула Лариса в сторону стоявшей со шваброй в руках Шаменковой.

Избитых до крови девушек бросили в подвал и заперли на замок. За ночь они все обдумали.

Надежд на спасение нет. Единственное — бороться, бороться единственным оружием — ненавистью к врагам.

На второй день в полицию привели мать Ларисы — Матрену Васильевну.

— Разрешаю отнести дочери хлеб, — сказал фашист, — а заодно сообщите своему ребенку: мы повесим ее, а потом вас, если она не скажет, где отряд, кто из населения помогает партизанам. У вас десять минут на спасение дочери.

Матрена Васильевна пошатнулась, когда увидала дочь. Лицо Ларисы было изувечено до неузнаваемости, платье порвано, — незабинтованные раны засохли… Обняла девушек, заплакала.

— Я догадываюсь, мама, почему они пустили тебя к нам.

— Вы уж не выдавайте ребят… — только и смогла выговорить Матрена Васильевна.

За окном в тени на скамейке немец играет на губной гармошке, во дворе чирикают воробьи, светит ярко июньское солнце, а в подвале сыро, холодно. Девушки дрожат, как в лихорадке.

— Нас не так-то просто убить! Они еще узнают, как мы умеем…

Лара Морозова.

Скользнула по стене тень, и послышался, как из бочки, голос Стулова:

— Последнее условие: не губи свою красоту, Ларка, отдай ее мне и я спасу тебя…

— Предатель! — бросила Лариса в ответ. — Нет, ты посмотри, мама, это же зверь…

Зина расхохоталась.

— Да лучше в петлю, чем хоть руку подать предателю Родины! — отрезала Лариса.

В полдень снова допрос. «Где отряд? Кто помогает партизанам? Повесим! Расстреляем!..»

Девушки молчат. Тогда Стулов начинает избивать в присутствии Ларисы ее мать.

— Убийца родной матери! — вопит он и топчет женщину ногами. — Спаси мать, дуреха!

Но и это не заставило заговорить патриоток.

Перед тем, как казнить Ларису и Зину, комендант втолкнул в подвал Матрену Васильевну.

— Спасу, если выдаст всех и полюбит меня, — сказал он, — уговори ее или завтра конец.

Лариса положила голову на колени матери и тихо, но настойчиво попросила:

— Всем ребятам, а особенно моим братьям, так и скажи: не выдала их Лариса, не продала Родину.

— Как же быть, дочка? — спросила мать. — Как?

— Никак. Вот Зину жаль. Смотри, как ее избили, она не приходит в сознание. А поговорить надо. Ведь у меня сегодня день рождения. А сколько мне лет? Кажется, много… Старушка я…

— Пятнадцать, дочка, только пятнадцать…

— А ну выходи, ведьма! — крикнул Стулов.

На рассвете 19 июня 1942 года жители поселка Бытошь слышали, как возле леса знакомый голос выкрикнул:

— Смерть немецким захватчикам! Я умираю за Родину!

Вслед за этим раздалось несколько выстрелов, и все смолкло.

В ответ на казнь юных партизанок Ларисы и Зины молодежный партизанский отряд перешел к решительным наступательным действиям. Ночью и днем летели под откос воинские эшелоны, десятки автомашин горели на дорогах к фронту, то тут, то там раздавались взрывы и слышалась перестрелка автоматов.

Против партизан в брянских лесах гитлеровское командование бросило регулярные войска. В жестоких боях с врагами вскоре погибли три брата Ларисы: Анатолий, Николай, Александр. Погибли совсем юными и другие отважные члены молодежной подпольной организации: Виктор Фомин, Вячеслав Пасецкий, Александр Анишин. Умирали в боях патриоты, но борьба не прекращалась.

А когда Советская Армия разгромила фашистов под Брянском, предатели получили свое.

В подвале, где перед казнью находились Лариса и Зина, на стене сохранились слова, написанные стеклом: «Мы умираем за свободу, за жизнь хорошую. Отомстите за нас, люди!»

В поселке Бытошь в постаревшем доме, где жила большая семья Морозовых, теперь уже не бывает молодежных вечеров. Там живет одинокая партизанская мать Матрена Васильевна. На стене дома прикреплена мемориальная доска: «Здесь был штаб Бытошской молодежной подпольной организации».

К Матрене Васильевне часто приходят пионеры и комсомольцы, слушают ее рассказы о детях, отдавших жизнь борьбе за Родину, о жестоком времени войны. Много писем приносит бытошский почтальон старой матери от юных следопытов. И в каждом из них: «Мы хотим быть такими, как ваша Лариса, как Анатолий, Николай и Александр. Расскажите о них».

Остались в живых два сына Матрены Васильевны: Евгений и Георгий. Но война оставила на память братьям-фронтовикам по нескольку шрамов на теле и незаживающие рубцы на сердце.

Все Морозовы за боевые подвиги в годы войны награждены орденами и медалями. Орден Отечественной войны, которым Лариса награждена посмертно, хранится у Матрены Васильевны. Частенько берет она боевую реликвию в руки и, покачивая седой головой, тихо произносит лишь одно слово: война, война…

В МУРОМСКОМ ЛЕСУ

Человека, который рассказал мне эту героическую, а вместе с тем трагическую историю брата и сестры, уже нет в живых. Он умер.

Это был смелый и мужественный чекист, отдавший все, в том числе и жизнь, служению Родине. Звали его Петром Назаровичем. А во Льгове, где последние годы своей жизни служил чекист, все называли его просто по фамилии Казаков. Честные люди его уважали, а у кого совесть не чиста, боялись.

Мы познакомились не случайно. Задумав еще давно книгу о юных орденоносцах, я разыскал в Москве бывшего маленького партизана Ивана Выродова. В отряде его звали Ваней, а теперь он уже полковник и, разумеется, стал Иваном Яковлевичем.

Иван Яковлевич в первой же беседе со мной сказал:

— О себе поведаю, что помню, а о подвигах сестры Лены знаю очень мало. Она была разведчицей, ходила в глубокий тыл врага. Ее казнили, а вернее, зверски растерзали фашистские палачи.

После нескольких бесед с полковником я убедился, что необходимо встретиться с человеком, который допрашивал палачей и знает больше, чем брат. Этим человеком и оказался Петр Назарович Казаков.

Пришлось ехать во Льгов, где и работал бывший начальник КГБ Шебекинского района Казаков. Как я и ожидал, чекист

сначала принял меня официально и рассказал немногое, хотя знал что-то очень важное. К сожалению, мы встретились лишь один раз.

Провожая меня, Петр Назарович пообещал:

— К следующему приезду я достану протоколы допроса предателей и кое-что узнаю еще, а пока извините…

Но очередная встреча не состоялась. Очень многое, что могло бы позволить полнее рассказать о сестре Вани — отважной разведчице, казненной фашистами, так и осталось неизвестным. А то, что известно… Впрочем, вот как все это было…

За несколько дней до начала войны у Лены Выродовой произошли три важных события: партийная организация одного из харьковских заводов приняла ее — восемнадцатилетнюю девушку кандидатом в члены партии; Лена вышла замуж за лейтенанта; она сдала экзамены за первый курс вечернего отделения педагогического института.

Жить бы ей да радоваться, но началась война. Муж ушел на фронт. Ушла бы и Лена, да завод оборонного значения, и администрация отказала наотрез. Лена хорошо понимала, что помогать фронту нужно не только оружием в бою, но и напряженным трудом в тылу. Армии требуются медикаменты, боеприпасы, техника. Но и работать не пришлось. Город заняли фашисты.

Случилось так, что эвакуироваться из Харькова Лена не смогла. Решила, что это к лучшему — была уверена, что в тылу врага начнется беспощадная борьба с фашистами, а к жестоким схваткам она готова. За плечами, неплохие военные знания, полученные еще в Осоавиахиме, приметить которые сейчас самое подходящее время.

Но как, где найти тех людей, через которых можно связаться с руководителями подполья. Все попытки отыскать хоть кого-нибудь из работников горкома партии не увенчались успехами. Уже на третий день оккупации убедилась, что в городе оставаться опасно. Начались массовые расстрелы коммунистов. Нужно уходить. Немедленно.

Ночью Лена решила любыми путями вырваться из Харькова. Пробиралась по заваленным машинами и обозами дорогам, по усеянным трупами лугам, через лес, по огородам. Суток через пять добралась до родного города Шебекино. Уставшая, ободранная, без документов.

Несмотря на то, что в то время на каждом углу были развешаны плакаты: «Смерть немецким захватчикам!», «Защитник Родины, убей фашиста!», как только Лена переступила порог, она зашептала испуганно:

— Спрячьте это поскорее куда-нибудь. Я убила из него немецкого солдата…

Младший брат Ваня схватил брошенный на лавку револьвер и мгновенно исчез. Когда он возвратился, Лена лежала на кушетке, а рядом с ней сидела плачущая мать.

Красивое лицо сестры заострилось, глаза ввалились, и Ване показалось, что она умерла.

— Что с ней?

— Не трогайте ее, — послышался голос отца. — С голода это и от усталости. Отойдет.

Когда Лена пришла в себя, поела, отдохнула, стала рассказывать б тем, что пережила, пробираясь сквозь линию фронта. Ваня внимательно слушал и крепко сжимал кулаки. О, как он в эти минуты ненавидел фашистов! Чуточку он даже завидовал сестре. Вот бы так, как она, схватиться с гитлеровцем и пустить ему пулю в живот. Не маленький. Уже в комсомол принят. Пятнадцать лет. Это не пустяк. Ростом он выдался в отца, да и силы не занимать, а оружие теперь есть.

Если до войны в осоавиахимовский кружок паренек ходил только, чтобы пострелять из малокалиберной винтовки, а в военные книжки не заглядывал, то теперь все тетради, и свои, и сестрины, найдены, много раз перечитаны и все военные книжки лежат под подушкой. Решил заняться теорией. Мало ли что: вдруг из пулемета придется стрелять или от газов защищаться. Об этом в кружке говорили. Очень жаль, что мало было занятой.

— Читай, — деловито поддержала брата сестра, — пригодится.

А фронт, между тем, приближался к городу. Куда ни глянь — военные. Попытался Ваня уйти на фронт добровольцем, да не удалось: не взяли. Говорят, мал еще, несовершеннолетний. И хотя мальчишка вышел ростом, мог бы прибавить годка три, но лицо выдавало. Как у первоклашки. А тут еще постриг волосы под машинку. Думал, что будет на красноармейца похож.

Однажды Ваня возвратился домой и не застал сестры. Под большим секретом мать поделилась, что Лену вызвали в райком партии и дали задание сходить в тыл к немцам. Как ни допытывался Ваня, мать ничего больше не сказала. «Какое-то важное дело», — вот и все, что мог узнать Ваня.

Все пять дней, пока не возвратилась Лена, брат только и думал о ней: зачем понадобилось идти через линию фронта? Догадывался, но удивлялся: а почему именно она, а не он получил важное задание? Ведь он комсомолец и, пожалуй, посильнее сестры.

Но и через пять суток, когда Лена пришла, любопытство

мальчишки не было удовлетворено.

— Не спрашивай. Не могу сказать, — ответила она. — А ты, если и сюда придут немцы, уходи в партизанский отряд.

Она сообщила Ване, где базируется Титовский партизанский отряд и что командиром его назначен Никитченко.

А когда Лена снова ушла в тыл врага, Ваня догадался, что сестра — настоящая разведчица. Уж слишком часто приходили в дом одни и те же военные люди и долго говорили о чем-то, склонившись над картой.

К зиме война ворвалась в Шебекино. Не обошла и дом Выродовых. Полицейские схватили отца Вани. Били, грозили, что повесят. Какие-то злые мужики выкрикивали: «Это он возглавил первый колхоз!», «У него дочь коммунистка!».

Чудом спасся старик. В селе Больше-Троице, где гитлеровцы хотели казнить Якова Афанасьевича Выродова и другого активиста-колхозника Зыбина, партизаны ночью открыли арестантскую и обреченным на смерть людям удалось бежать.

Ваня понимал, оставаться дома нельзя. Самое время уходить в партизаны и расплатиться с фашистами за все сполна.

Вместе с Колей Павловым Ваня нашел Титовский партизанский отряд, который в то время действовал в районе Северного Донца. Очень удивился: Леча была здесь.

— Пришел? И револьвер принес? Молодец. Ну, как там дома?

Сестра засыпала брата вопросами и радовалась от души, что все пока благополучно. А когда Ваня рассказывал, как били отца, она помрачнела, закрыла ладонью глаза и сказала лишь одно слово: «Гадюки!».

Но оказалось, что Лена лишь ненадолго у партизан. Основное ее место в разведке 21-й армии.

Зачислили Ваню в отряд, вручили самозарядную винтовку и в первую же ночь — на пост. На базе осталось мало бойцов. Большая группа товарищей ушла вместе с Леной далеко в тыл. На этот раз она получила задание разведать в районе Мурома расположение танковых резервов гитлеровцев и сообщить об этом командованию 21-й армии.

Это была последняя встреча Вани с Леной.

Подробности предсмертных дней коммунистки, разведчицы Лены Выродовой (Литвиновой по мужу) не известны и поныне. Лишь немногое удалось узнать от людей, которые видали Лену живой и мертвой в муромском лесу.

Из документов архива Министерства обороны теперь ясно, что разведчица, успешно выполнив задание командования 21-й армии, снова отправилась в тыл врага. В морозную, зимнюю ночь

она зашла на кордон в урочище «Изрог» между селами Муромом и Заборовкой.

У жены лесника Афиши было четверо детей: Гриша, Яша, Полина и Анатолий. Старшему восемь, младшему — три года. Гриша помнит, что Лена была очень весела.

— Ты случайно не со свадьбы? — спросила Агриша.

— И не говори. Сватал немец. Еле ноги унесла, — засмеялась Лена. — Спать хочу. Может, разрешишь занять печку?

— Ложись. Ребятишки пока погуляют. А я стирать буду.

Ребятишки с радостью уступили теплую печь и, набросив кто что, так как своей одежонки не было, выскочили на улицу. Весь короткий зимний день катались они на больших санках за двором, и мать не звала их домой, как это бывало всегда. Хотела, чтоб Лена до ночи выспалась.

Выходила Лена с последней своей базы из дома лесника всегда в полночь.

Ночью, когда она уже собиралась в путь, Яков слышал, как кто-то стукнул в окно и хриплым голосом попросил:

— Родные, дайте кусочек хлеба, пленный я…

В доме было темно, и дети не видали вошедшего незнакомого человека. Лена дала ему хлеба и предупредила:

— Уходи. Тут нельзя тебе оставаться. Ищи партизан.

Человек что-то спрашивал шепотом, и Лона очень тихо отвечала. Когда он ушел, она поцеловала Афишу.

— Спасибо тебе, золотко. А если твоего Ипполита где встречу, клянусь, приведу ночью. Я все ходы и выходы знаю.

— Ушла бы с тобой, да куда их, — тяжело вздохнула жена лесника.

Агриша тоже поцеловала Лену и проводила в сенцы.

Когда Яков засыпал, он слышал, как в лесу кто-то крикнул. Сказал об этом матери.

— Спите, горе мое, душу вымотали! — прикрикнула она. — Заяц или сова небось.

В ту же ночь полицейские выследили разведчицу и, схватив ее возле кордона, привели в село Муром.

Петр Назарович Казаков, бывший чекист, который допрашивал после войны полицейских, выполнявших приказ гитлеровцев, рассказал, что Лену пытали дикими способами: ее кололи иголками, обливали холодной водой, жгли пятки. Но она не выдала военной тайны.

Лишь твердила одно: «Ходила за ребенком в Харьков, за дочерью».

Чтобы удостовериться, кормящая ли она мать, полицейские раздели ее. Убедившись, что она сказала неправду, ей отрезали

кинжалом груди.

— Я умру в муках, но, прошу вас, не трогайте жену лесника Агришу. Она не причастна к моим делам, — умоляла Лена озверелых гитлеровцев.

Потом кто-то из полицейских сказал, что она слишком красивая женщина. Другой тут же ухватился за сказанное:

— Да, она красивая, но если не выдаст партизан, то…

— Гадюки! — крикнула Лена. — Вы смелые с обескровленной женщиной, а вот как вы будете храбриться, когда погонит немцев Советская Армия!

— Давай! — приказал комендант.

Все было обдумано палачами заранее. С большим «мастерством» они вырезали разведчице щеки, а потом выкололи глаза…

В завершение ко всему Лену расстреляли на опушке леса возле яра, рядом с тропинкой, по которой жители села ходят в лес за дровами.

Надеясь, что партизаны заберут труп, гитлеровцы сделали засаду близ села Зиборовки.

В тот же день убийцы ворвались в дом лесника, выволокли на снег Агришу, и тоже, не добившись ничего при допросе, повесили ее на воротах в присутствии маленьких четверых детей. Дом сожгли. Полицай сервал с ребятишек одежонку и бросил в огонь.

— Смотрите мне! — горланил он, размахивая пистолетом. — Кто приютит этих партизанят, повешу!

Три дня висела Агриша на воротах и все три дня на пепелище рыдали опухшие от слез и страха, голода и стужи четыре маленьких безвинных человека. Но одна, старая местная женщина А. А. Рыжова не побоялась, что ее повесят немцы, увела к себе малышей.

А труп Лены лежал на опушке леса почти месяц. Все это время гитлеровцы сидели в засаде, надеялись, что партизаны все же придут на место казни. Им повезло: выполняя задание, юный партизан Федя Красников из соседнего партизанского отряда, узнав, что гитлеровцы казнили сестру Вани, решил удостовериться, действительно ли это она, и едва мальчишка появился возле леса, как его схватили гитлеровцы и, как потом стало известно, убили при попытке к бегству.

В свои шестнадцать лет Ваня не был обижен ни ростом, ни силой, поэтому командир отряда Никитченко никогда не делал скидки на юность партизана.

— Кому же, как не тебе — комсомольцу и земляку — я поручу более важное задание, — говорил он.

И на этот раз, дымя цигаркой, командир обнял рослого

юношу за плечи, подвел к висевшей на стене немецкой карте, добытой в бою, ткнул пальцем:

— Задача серьезная, но решимая, — заговорил Никитченко. — Мы как бы между двумя огнями: впереди — наши, а сзади немцы. К нашим пробраться ничего не стоит, а вот к ним… Но надо. Советское командование свежие данные требует.

— А я не отказываюсь, я готов, — ответил Ваня, догадываясь, куда клонит командир.

— Так вот, вместе с моим братом Петром уточните, что за части прибыли в Графовку, Коровино, Нечаево… — командир назвал десяток сел и почему-то улыбнулся. — Петька парень дюже горячий, ты поглядывай за ним, а ты у меня рассудительный и вообще… Надеюсь я на тебя, ясно?

Ваня Выродов.

У партизанских разведчиков сборы короткие: натянули белые маскировочные халаты, взяли оружие, по куску хлеба и в путь.

Была глухая морозная ночь. Снега мало, но скрипучий, а обледенелые кусты звенят, как металлические. Хорошо, что гитлеровцы боятся леса, сидят ночью в теплых блиндажах, вырытых в поле, и лишь только часовые, согнувшись в кочергу, обняв автоматы, топчутся в мелких траншеях, иначе не пробраться бы в тыл нипочем.

За ночь ребята прошли без задержки километров двадцать. Пересекли шоссе. Рассвета дождались с лесу. Петр порывался

разжечь костер, но Ваня не разрешил.

— Попрыгаем и согреемся.

— Я уж так напрыгался, что ног не чую. А может, разведем небольшой?

Ваня, словно не слышит, ломает хвою, бросает к стволу дерева.

— Ложись. Завалим себя, прижмемся друг к дружке и согреемся, — предложил он.

Но и в куче сосновых веток мороз берет свое. Продрогнув до костей, ребята на рассвете сняли с себя белые халаты, спрятали их в снегу на опушке леса и направились к крайней хате. Постучали в дверь. Открыла древняя старушка, приблизила подслеповатые глаза и выругалась:

— Фу, черти! Думала, опять эти антихристы. Откель вы, молодцы?

— Издалека, бабушка. Домой пробираемся. Устали. — Ваня сел на лавку и кивнул, подавая знак Петру посмотреть, нет ли кого во дворе.

— Небось есть хотите? А у меня одна свекла, — прошамкала бабушка. — Будете, аль нет?

— Мы и свеклу съедим, — уставшим голосом произнес Петр. — А давно заходили эти «антихристы»?

— Уж который день прут и прут, — ответила старушка, вываливая на стол холодную свеклу. — Видать, на Маслову Пристань.

Немного узнали партизанские разведчики у бабушки, но зато обогрелись, подкрепились свеклой и снова в лес. Целый день ребята мерзли в кустарнике, поняли: какая-то пехотная часть идет от фронта в тыл. А где-то далеко гудят танки. Но куда они идут? Какие номера этих частей? В этом суть разведки. Доложить командиру, что передвигаются войска — это еще ничего не значит.

— Знаешь что, — вдруг предложил Петр, — давай укокошим фашиста и заберем документы?

— Идея хорошая, — одобрил Ваня предложение друга. — Но как это сделать?

Стали обдумывать план. Решили, что лучше это сделать в Графовке, поскольку село в стороне от маршрута, по которому придется возвращаться на базу. Значит, легче потом уйти от погони.

Переночевав у той же бабушки на чердаке-, куда проникли незаметно, ребята на рассвете пошли в Графовку. Часа два они наблюдали за движением немцев в селе из кустов. Установили, что гитлеровцы разместились в противоположной стороне села, а

в ближайших к лесу хатах их нет. Используя плетень как ширму, разведчики проникли в самый крайний двор.

Их замысел был прост: попросить у хозяина поесть и, дождавшись в тепле вечера, в темноте напасть на гитлеровцев, расположенных на противоположной окраине села, захватив у них документы.

Но неожиданно план изменился. Едва Ваня открыл дверь в хату, как перед ним вырос немец.

— О! Хозяин! Рус партизан? — крикнул он. — Сдавайся!

— Нет, мы соседские, — сказал Петр, входя в дом. — Пришли купить картошки…

Ваня заметил, как сидевший за столом второй гитлеровец потянулся за автоматом. Одним ударом рукоятки револьвера он сбил стоявшего перед ним немца с ног и в упор выстрелил в сидевшего за столом фашиста. Полилось молоко из разбитого кувшина, завопила с перепугу женщина возле плиты, и с грохотом упал с лавки на пол гитлеровец.

Быстро забрав оружие и документы немцев, Петр крикнул перепуганной хозяйке.

— Как скроемся, беги к немцам и скажи, что партизаны у тебя в хате! Иначе они тебя повесят. Поняла?

Разведчики уже достигли леса, когда немцы открыли в селе стрельбу. Целые и невредимые Ваня и Петя тем временем уходили в глубь леса.

К рассвету следующего дня командир партизанского отряда переправил добытые ценные сведения и документы в штаб 21-й армии. Ваня выполнил то, что когда-то командование армии поручало храброй разведчице Лене.

Титовский партизанский отряд, бойцами которого были Ваня и Петя, долго оставался вблизи фронта. Это вызывалось особой необходимостью: во-первых, немцы не подозревали, что у них под носом действуют народные мстители и искали их у себя в глубоком тылу, а, во-вторых, находясь ближе к советским войскам, партизаны добывали необходимые сведения о гитлеровцах и передавали их штабу армии, что было очень важно в то время.

Партизанам приходилось также переправлять через линию фронта большие группы наших разведчиков и саперов-подрывников. А нередко титовцы где-нибудь далеко от своей базы вели активные боевые действия по приказу советского командования, отвлекая тем самым на себя часть вражеских сил.

Одно из важных заданий однажды выпало на долю Вани Выродова и Пети Никитченко. Они были одногодки. Им в то

время едва исполнилось по шестнадцать лет. Когда-то мальчишки учились в одной школе, дружили. Но истинная, самая прочная, вечная дружба началась у ребят в партизанском отряде. Боевая обстановка сроднила их, сделала неразлучными, и каждому казалось, что полное счастье может быть только в том случае, если рядом друг.

В бою ребята как бы дополняли один другого. Ваня, мальчик высокий, рассудительный, и, прежде чем принять решение, хорошо все обдумает. Петя ростом меньше и не в меру горяч. Он готов броситься на фашистов даже в тем случае, когда их во много раз больше и шансов на победу нет. «А, была не была!» — говорил он в трудные минуты боя.

В этих случаях Ваня всегда советовал: «Дай отсрочку — будет дело в точку».

Командир отряда всегда учитывал характер ребят. Недаром и на этот раз старшим он назначил Ваню Выродова.

— Значит, ясно? — спросил командир отряда, когда объяснил задачу. — Повтори!

Ваня стал повторять в подробностях:

— Из Белгорода к Масловой Пристани подошел бронепоезд. Фашисты хотят…

— Ты мне не объясняй. Дьявол с ними, с фашистами, что они хотят. Говори, что ты хочешь?

— Уничтожить бронепоезд, — ответил Ваня.

— Вот так-то. Только как ты его уничтожишь, если он стальной? — улыбнулся командир.

Петр засмеялся, закрыв шапкой рот. Разве не смешно: им, мальчишкам, приказано уничтожить бронепоезд…

— А ты чего ржешь? Дело говори!

— Ну, мы подорвем дорогу, где приказано, — сказал серьезно Ваня. — Правильно я понял?

— Ладно, в путь! Моя группа будет вот здесь, — командир ткнул пальцем на карте. — В случае чего уходить вот сюда. Действуйте, хлопцы!

Ночью Ваня и Петя пробрались по знакомым, исхоженным еще в раннем детстве, лесным тропам и вышли к разъезду. Неудача.

— Хальт! — крикнул немец возле будки и тут же пустил длинную автоматную очередь. Пули просвистели над головой.

Ребята, как по команде, упали и, перевалившись за насыпь, бросились в лес. Ответить огнем — это значит ввязаться в бой с охраной и выдать план действий партизан. Надо незаметно уходить.

Мальчишки углубились в лес и вышли к полотну железной

дороги в другом месте. На этот раз, словно кроты, они подползли к насыпи под небольшим сугробом снега, поднялись по острой щебенке выше, легли между рельсами, чтобы не так заметно было и быстро подсунули под холодную сталь толовые шашки. Ваня вставил запал, прикрепил длинный бикфордов шнур, все в порядке. За насыпью чиркнула зажигалка под лохматой шапкой Петра, и струйка огня поползла искристой змейкой.

— Бежим! — сказал Петр. — Иначе…

— Нет, поползем! В случае, если заметят фашисты взрывчатку, мы стукнем по ним…

— Гном! — одобрил Петя. Это была высшая похвала Пети человеку, сделавшему что-то очень разумное.

Секунда, вторая, третья… Наконец, сороковая. Значат, сорок сантиметров шнура уже сгорели. Но почему нет взрыва? Ваня хотел встать и бежать, чтобы вставить новый детонатор, но в это время блеснуло красноватое пламя, земля вздрогнула и раздался взрыв.

Теперь путь для бронепоезда отрезан. К фронту он не подойдет. И тут же, как эхо, отозвался более мощный взрыв за Масловой Пристанью. Это группа, возглавляемая командиром партизанского отряда, подорвала путь отхода бронепоезду. Подвижная стальная крепость зажата на небольшом участке дороги.

Где-то за лесом послышалась пулеметная перестрелка. Ударила пушка. Бронепоезд, словно угрожая в бешеной злобе, требовал выпустить его на волю, но тщетно…

Когда Ваня и Петя были уже близко у леса, послышался гул дрезины и автоматная трескотня. Немцы не заметили, куда скрылись партизаны, и стреляли наугад. Но ребята не растерялись и на этот раз. Засекая на блеклом фоне неба силуэты фашистов, Ваня дал длинную очередь из автомата и услышал вопли раненых гитлеровцев.

— Вот теперь тикаем! — сказал он.

Ребята были представлены к правительственной награде. Но лишь после войны стало известно о том, что Ваня награжден медалью «За отвагу», а Петя медалью «За боевые заслуги».

Ваня Выродов получил свою награду уже будучи офицером Советской Армии, а Петя так и не узнал о своем награждении. Рядовой Петр Никитченко в жестоких схватках с врагом, освобождая Орловскую область от немецких захватчиков, погиб.

Летом 1942 года Титовский партизанский отряд влился в состав наступающих советских войск на Харьковском направлении. Ваня Выродов стал рядовым разведчиком в стрелковом полку. Вскоре он отличился в бою с гитлеровцами,

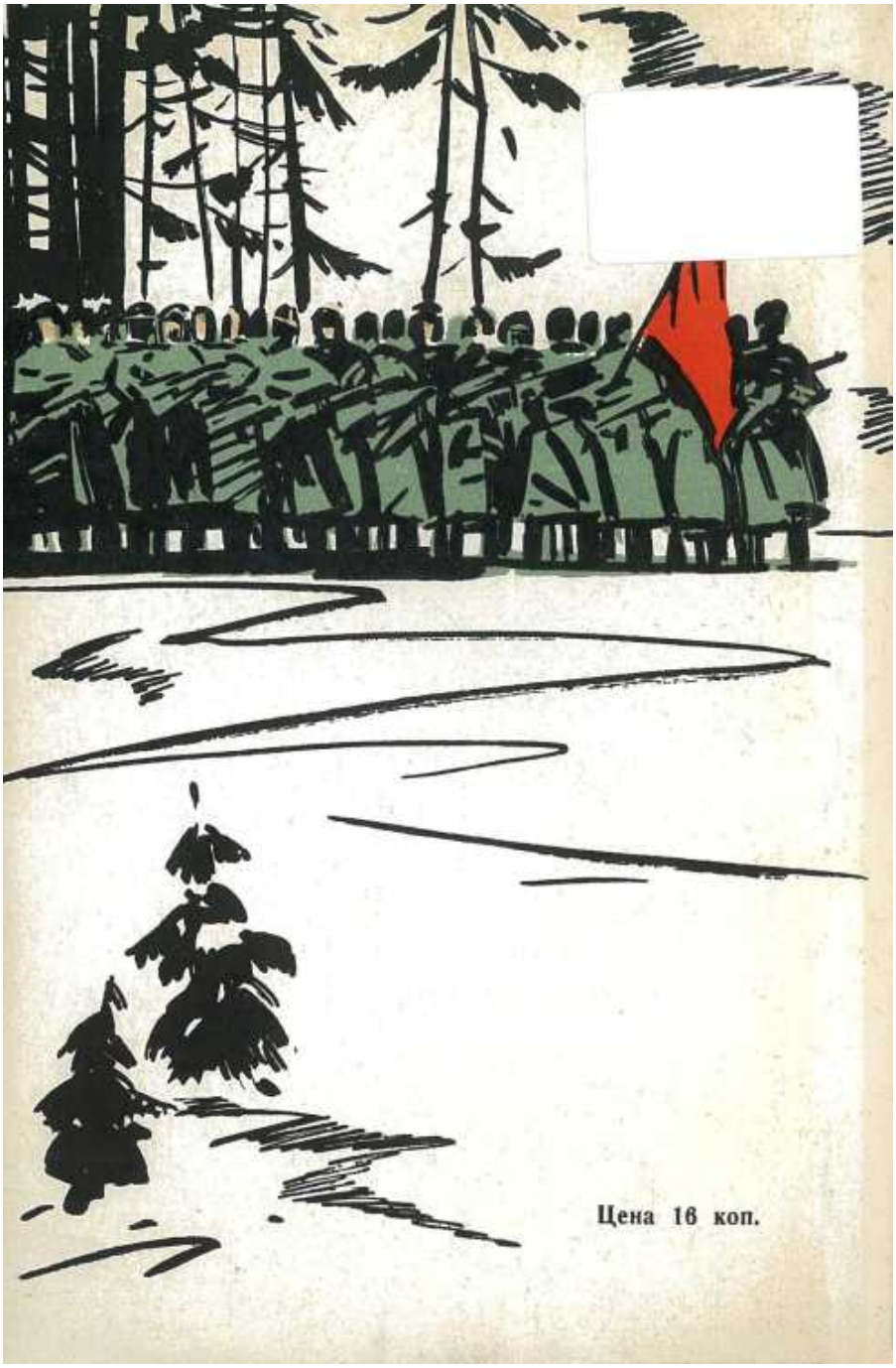
показал себя зрелые воином, и ему было присвоено воинское звание: младший лейтенант.

Случилось так, что до самой весны Выродов не имел связи с родными, поэтому не ведал, что произошло с Леной. Лишь когда было освобождено от фашистов родное село, Ваня получил ответ на свое письмо от отца и узнал, что Лена геройски погибла, выполняя задание советского командования.

Ваня был на фронте до конца войны. За боевые подвиги он удостоен трех орденов и многих медалей.

После войны Иван Выродов закончил Военную академию. Сейчас он полковник, живет и служит в Москве.

издательство
ДОСААФ



Цена 16 коп.